

Часть первая

Ночью, в какой уже раз, подняли по тревоге: по местному радио передавали условные частые сигналы.

У Соловкова и его однокашника по пехотному училищу лейтенанта Федора Молочкова все наготове. Закинув за плечи вещмешки, на пороге оглянулись, снова прощаясь с уютной, теплой деревенской избой..

Сибирский мороз ожег их полусонные лица, словно умылись ключевой водой. Но оба не очень-то мерзли — привыкли к промозглым, знобящим московским холодам — и не переставали дивиться здешней зимней сухости. Со нечный мороз не проникал через шинель: не стой на месте, танцуй, шагай, и можно весь день не заходить в помещение. Роши, кустарники казались в белом цвету, как а рикосовые сады, иней по месяцу не срывался с ветвей! Прославленные в веках сибирские холода оказались легендой.

Сокращая расстояние, бежали напрямую: Молочков — увальнем утопая и барахтаясь в сугробах. Соловков перекатываясь через них катком, и по-студенчески хохотали, как бывало на лыжной вылазке.

То ли еще будет с нами на фронте, ученик Дейнеки! К слову, Федя, я не поклонник размашистой кисти.

Искусство не топчется на московском дворике, делетант ты этакий! — с азартом возразил Молочков, слов но вплавь кидаясь в очередной сугроб. Он гордился, что был учеником знаменитого живописца.

Их споры-разговоры об искусстве помогали им не от рываться от интересов мирной жизни и в Московском ополчении, и в Московском пехотном училище, которое 16 октября 1941 года эвакуировалось в Новосибирск; там кончили скорые курсы и вот уже четвертый месяц в вет реной сибирской степи готовили бойцов и себя к новым боям.

По селу слышалась сплошная разноголосица команд огоньки, вспыхнувшие в избах, словно прилегли на сугробы.

Перед белой саманной стеной копошилась людская толпа в сплошь белых полушубках, темного — только валенки и загорелые на солнечных рьяных ветрах задубелые лица. Бывший строитель, лейтенант Матвей Соловков все еще смотрел на свой взвод в сорок человек как на большую бригаду рабочих в одинаковых спецовках. Вспомнилась первая встреча с ними. Тогда бросилось в глаза, что многие жуют: жевало целиком все третье отделение. Воспитанный в строгих правилах военного, училища, он приказал:

— Отставить жвачку! В строю. Жевать будем за едой.

Бойцы заулыбались. Высокий, тонкотелый командир третьего отделения Сюрвасев ловко выплюнул что-то в снег, бросил через плечо непонятное слово, и остальные с сожалением проводили глазами то, что тоже выплюнули в сугроб. Никто из них не выразил недовольствия строгостью взводного, но Соловков заколебался как человек, не очень уверенный в своих поступках.

А момент для него исключительный: решался вопрос отношений с бойцами, от которых зависела судьба всех маленьких взводных боев в недалеком будущем.

Усатый, белобрысый помощник и парторг роты Чернышев понимающе смотрел на лейтенанта серыми грустноватыми глазами.

Северяне, товарищ лейтенант. Коми,— с хрипотцой заядлого курильщика пояснил он.

Из республики Коми. А что же эта жвачка? Не резинка же американская?

Сосновая смола. От цинги,— продолжал уже командир отделения Сюрвасев.— Витамин имеется.

Тут Россия, картошки вволю, луку, яблок перепадает. Жвачку надо бы отставить.

Привычка организма, товарищ лейтенант. Испокон веков жуем. Тянет к сосновой смоле, как белку к кедровым орешкам.

Мужественные, задубелые лица коми покрылись самыми добродушными тугими морщинами.

— Попробуйте, товарищ лейтенант, — Сюрвасев вытянул из кармана стеганых штанов чистую тряпицу, развернул на большой ладони, протянул взводному темно-золотистый, похожий на гречишный сотовый мед комок смолы.— Еще нашенская.

Соловков секунду колебался, рассматривая на репчатой ладони ароматную смолу: любопытно, что за приманчивый вкус?

— Откусите, товарищ лейтенант.

Все четыре шеренги — русские и коми — сдвинулись теснее. Соловков взял комок, погрузил зубы в вязкую массу, аромат ее затруднял дыхание, а челюсти сами собой заработали, заработали. Ощущение смешное, но приятное. Довольные солдаты смеялись.

Но где они теперь брали сосновую смолу на этой равнине с уродливыми березовыми рошицами? Свою-то север ную давно прикончили.

— Что теперь жуем, мои северяне? — шутливо спросил он. К нему потянулось несколько рук с какими-то засахаренными комками. Оказалось, собирали клей с вишневых деревьев по местным садам.

Чернышев и старшина Денисов заглядывали в хату, волновались: все ли бойцы захватили. Все. На жердевых нарах осталась потертая солома, вдоль стен — пустые станки для винтовок.

Привычно батальоны вышли из села, километрах пяти от него развернулись для учений. Прошел час-другой, а кухни не останавливались в знакомом приземистом березняке, дымили и сеяли тяжелые искры на ходу.

— Лейтенант Соловков, вам донесли: навстречу движутся вражеские танки с десантниками-автоматчиками, — раздался вблизи звучный голос командира полка.— Ваше решение?

Соловков медлил: что могут сделать истребители танков отделения комсорга Баядиля на этакой снежной, с морским выгибом равнине? Командир полка майор Бармитко подступил к нему верхом на лошади, подъехал еще всадник — худощавый, с костистым лицом комиссар полка Шагунов, пешком — комбат капитан Гостев в распахнутой шинели, с орденом Красной Звезды на гимнастерке. Прибыл он в полк из госпиталя, коренастый, смуглый, с темными со злобинкой глазами и странно

страдальческими морщинами. В его походке, в шинели нараспашку было что-то полководческое. Соловков смотрел на него, как на героя.

«Ведь роте придан взвод полковых орудий!» — вспомнил он. Глотнул слюну для смазки горла.

— Командир батареи лейтенант Натансон! К нему подбежал худощавый командир с подоткнутыми под ремень концами шинели, напоминая этим бабу в понёве.— Орудия в упряжки, навстречу танкам! Ефрейтор Анашкин, с автоматчиками к пушкарям! Ищите и уничтожьте.

Натансон убежал вприпрыжку в густую синеву утра. Послышалась его команда: «Снаряды бронебойные!» Глухо прогремели по вязкому снегу лафеты. Сытые кони застоялись в теплых конюшнях, взбивали копытами снежные комья.

Добро! — хотя решение взводного для майора Вармитко и его спутников было неожиданным,— думали, ограничится штампом: выдвинет вперед истребителей-пехотинцев.

Не мой тактический ход, товарищ майор,— отозвался на похвалу Соловков.— Так были уничтожены английские танки «огневым дивизионом» 51-й тоже сибирской дивизии на Каховском плацдарме в 1920 году...

Минутное молчание вокруг показалось ему слишком долгим. Рассвет обозначился на бессонных лицах командиров, подголубив их, оттенив морщины, как оттеняет он в поле овраги. У майора Бармитко, кажется, улыбочиво шевелились полные губы; лошадь комиссара Шагунова мешковато загарцевала, он подергивал ее гремучими удилами, а в глазах батальонного комиссара, обращенных на Соловкова, вопрос...

— Вспомнил взводный дряхлую старину,— вполголоса усмехнулся в толпе помощник начальника штаба Мечтайло, левый черный усик скоился и подрагивал. ПНШ часто навевался в поле на учения поверяющим от штаба, и Соловкову приходилось козырять ему.

Майор Бармитко круто повернулся объемистым телом в его сторону, скрипуче хрустнуло седло.

— Старший лейтенант Мечтайло, вы находитесь в первой роте, задачу слышали. Ваше решение?

Мы не можем рисковать артиллерией. Только истребители...

Убит взводный. Вы приняли командование. Танки приближаются. Действуйте.

Тот молчал, мысленно ругая себя за вмешательство, а Соловкова — за его выдумку. Бывая поверяющим на учениях, он привык раздавать другим строгие замечания.

Вы что же думаете, ПНШ, опыт боев гражданской войны — это только энтузиазм? А умение?..

— Я так думаю, товарищи командиры: безымянных стратегий и тактики не бывает,— осмелев, азартно вставил Соловков.

Вот именно, лейтенант,— уже спокойно, твердо ответил майор.— Ваше мнение, батальонный?

Решение лейтенанта Соловкова правильное. В помощь я запросил бы приданное моему батальону самоходное орудие.

Хрен редьки не слаще.— Дернув поводьями, Бармитко улыбнувшись.— Продолжайте движение, взводный.

Последним отъехал комиссар Шагунов, его утомленные ночным бдением глаза не утратили вопросительного выражения. Соловков вдруг понял его: «Так вот что! Я чуть не произнес имя комдива 51-й Блюхера!..»

Соловкову сделалось жарко, распахнул шинель, шагал, как капитан Гостев. «Огневой дивизион»... Встреча с английскими танками... Подбиты три из четырех... Наповал положен пехотный отряд из офицеров — дроздовцев и корниловцев. Какая добрая память! Да, безымянных стратегий и тактики не бывает. Комиссар Шагунов должен понять: сам участник гражданской войны, штурмовал Перекоп.

Миновали другую карликовую березовую рощу. Мор!ской силы ветры набегали на нее со всех сторон, искривили ли, изгорбили так и этак каждое деревце, не дали ни роста, ни толщи. Но бывали и тихие дни, солнце не расплывалось в шелковистом небе, садясь, касалось кромки белой равнины самым острым диском.

Безостановочное движение как-то тревожило и бодрило Соловкова.

К нему подошли ротный старший лейтенант Ляшев — с виду рыхловатый, а шагал легко, серые глаза серьезные а губы улыбочивые, потом — Молочков и взводный младший лейтенант, маленький сибиряк Сергей Кондаков, на дробном личике которого, на щечках алели прожилки.

— Ты что тут задрался с начальством? — усмешливо спросил Молочков.

Но Соловкова уже волновало другое:

— Может, на этот раз не ученье — на фронт? Уже и наш хутор скрывается, как корабль в море.

Ротный Ляшев серьезно посмотрел на восток, чистая темная голубизна поглощала утреннюю варю, округлый ятаган солнца остро блестел золоченым лезвием.

II

Что-то новое было в вашем разговоре с этим взводным, Иван Архипович...— говорил батальонный комиссар Шагунов.

Иначе говорить с этими командирами невозможно, Николай Никитич: образованный народ.— Майор Бармитко страстно хотел иметь боевого друга, с которым придется рука об руку сносить фронтовые тяготы и огорчения; в Шагунове он и желал видеть такого соратника. До этого случая Иван Архипович больше надеялся не на задушевную беседу с комиссаром полка, а на их совместные боевые заботы и дела.

Разве вы не уловили в словах лейтенанта Соловкова какой-то въедливой заинтересованности? — любопытствовал Шагунов.

Каждый командир вправе иметь свое мнение, иначе не примет самостоятельного решения в бою.

Шагунов смолчал, стиснув зубы, костистые желваки на скулах бескровно белели. Майор Бармитко все больше раскрывался перед ним: но хорошо или рискованно такое доверие к подчиненным?

— Мы идем с вами на войну, Николай Никитич, и нам нужна вся наука войны, а эту науку создали поколения командиров. Вы воевали в гражданскую, у вас большой боевой опыт, но и вам придется в нем разобраться, ибо, как тут говорилось, ни стратегий, ни тактики безымянных

пет. Нет и нет, Николай Никитич!

Шагунова все сильнее беспокоил разговор с глазу на глаз, но сам Бармитко

нравился. И еще оба сознавали — начало содружества все-таки заложено, отступления не будет: нет иного выхода — война обнажила раны, как в трудном походе вскрываются раны воина-ветерана, а раны на теле Красной Армии не зажили, врачевать же их придется в боях.

Так думал батальонный комиссар Шагунов. Но так уже не думал майор Бармитко: для него раздумья комиссара полка — все в прошлом, новое же состояло в том, что это новое тоже придется осваивать в боях.

«И возможно, в столкновении характеров — союз людей,— размышлял Иван Архипович.— Ведь и комдив Ук-леев толковал нам о человеческих характерах. Или себе на уме? Во всяком случае, неспроста».

Спокойно, на равных говорил с командирами полков полковник Уклеев. Цепкая память Ивана Архиповича ухватывала все оттенки его голоса, ибо внешность бывает обманчива.

— Всякая новая война на первом этапе — прежде всего, испытание характера. Это — человеческое.— Комдив склонил голову, коротко остриженная седина сердите блеснула в свете яркого алтайского дня, озарившего комнату обширным полуденным снежным отсветом.— Тем сложнее испытание, испытание союза характеров. В данной разе наших с вами.

Он примиряюще улыбнулся при этом, как бы авансом обещая не обострять их разномыслия, если оно возникнет в боях. Иван Архипович тогда же решил для себя: слож нось в том, чтобы в этом союзе характеров не утерять свое лицо.

Сейчас же вспомнил и затревожился: хватит ли у ней способности выявить это свое лицо в бою? Еще раз мысленно он взвесил свои знания. Каков его багаж, военный опыт?..

Кончив шесть классов сельской школы, Бармитко дополнял образование в военном училище, потом служил командовал взводом, ротой, батальоном, только что полу чил полк. Стратегию и тактику вождения войск в граж данской войне и войне будущего, то есть нынешней, по; стигал теоретически: на учениях и маневрах, на песке по картам.

Воздух теплел. Поблекла снежная степь, и, когда по казался приземистый Дальгород, на дороге под уклон за струились змеистые, играющие солнечными лучами ручьи Вот так вдруг от вчерашнего тридцатиградусного мороз; к вешним ручьям!

Длинные додтаявшие хребты землянок местного полк на окраине городка уже обезлюдели, на плацу темнелз истыканные штыками маты и матерчатые чучела. Эшелонны с повозками и орудиями на платформах, товарными вагонами вытянулись на переднем пути, там-то и кишели разбегающиеся по вагонам бойцы и командиры. На за пасном пути стоял порожний состав — для подошедшего полка. Итак, наконец на фронт!

Началась погрузка полка майора Бармитко. Комбат Гостев лично показывал командирам и бойцам, как пра вильно укреплять на платформах тугой проволокой повозки. В распахнутой шинели, бледный, гнущийся, он не миновал и взвода Соловкова. Лейтенант соскочил наземь участливо спросил:

— Заболели, товарищ капитан?

Гостев оперся одной рукой на плечо Соловкова, глянул по сторонам — не услышит ли его кто из бойцов:

Перегрузил себя, Матвей Григорьевич.

Видел, как вы показывали нам, неумелым...

Только бы рана не открылась. Я ведь ранен в живот.— И почти хвастливо: — Такие раны наш брат мужик редко выдерживает. Женщины выносят и по две — есть одна такая медсестра у нас в санузле, из госпиталя поступила. Я — редкий экземпляр. Счастливчик!

У Соловкова сделалось горько во рту. Он смотрел вслед комбату, утратившему горделивую осанку: так вот она, причина его вольной, полководческой походки в распахнутой шинели!

Перед самой отправкой пришел старшина роты Денисов, бокастый, одетый налегке в шинель, на круглом, добром лице важность. Он подвез на подводе еду. Командиры отделений получали от него продукты придирчиво. Пайки сахара молодые бойцы небрежно швыряли с ладоней в рот, но пожилые, бывалые заворачивали в чистые тряпицы, позже Соловков наблюдал, как они, обмакивая кончик языка в песок, с причмоком попивали чай, а молодые слюнки глотали.

Дележ хлеба не раз удивлял Соловкова не менее жвачки коми. Сюрвасев возвышался в молчаливом, торжественном окружении своих земляков, разрезал хлебны на глазок на равные доли; когда нож проходил чуть кривовато, начинался дружный сдержанный ропот и Сюрвасев исправлял промашку: отрезал от большей горбушки мизерную цольку, добавлял к меньшей пайке. Но вот хлебны поделены, один из бойцов поворачивался к ним спиной, отделенный накрывал растопыренной ладонью кусок хлеба и провозглашал:

Кому?

Бяхову! — откликнулся боец в том же повышенном тоне.

—Кому?

— Тебе!

И так во всех отделениях роты. Федор Молочков и Кондаков да и сам ротный спокойно наблюдали за »той процедурой дележки. Соловков же расценивал ее как недоверие отделенным командирам. На этот раз втиснулся в круг, где находился Чернышев, приказным тоном остановил дележ.

— А если запросто разобрать пайки? Вы же видите, товарищи бойцы, все они равны. Берите какую придется.

Но у каждого оказался свой глазомер, хотя никто на усомнился в меткости помкомвзвода. По команде Соловкова двадцать рук сунулись к кускам хлеба, переплелись мгновенно из паек получилась мешанина, крошево, спутались добавки. Смущенные — взводный больше всех — стояли люди возле нар, ошалело переглядывались.

«Опять я сунул свой нос невпопад! Каким же дураком они считают меня сейчас!» — Соловков вопросительно глянул на Чернышева, покраснел перед этим былым человеком, на лице которого не появилось ни удивления, ни обидной снисходительной усмешки, только рыжеватые продымленные усы слегка поднимались к носу он просто принялся деловито восстанавливать расшвыренные, надломленные пайки хлеба, потом тремя пальцами сложенными как для сотворения креста, подобрал крошки бережно сунул себе в рот. Соловков мысленно поблагодарил его.

— Отворотись, Антон Игнатьевич,— сказал сержант самому старшему длинноусому бойцу. И начался дележ п старинке.

«На всю жизнь останется мне в памяти нынешний да нек! — посмеивался над собой Соловков. — А сколько вы падет их еще на мою долю!..»

Поезд уже давно шел. Соловков стоял у распахнутых как ворота, дверей вагона, прощался со степью, с карлй ковыми березовыми рошицами, со сказочными перепадам! погоды — такой и запомнилась ему Сибирь.

III

На узловой стоял какой-то воинский эшелон — наполовину из теплушек, остальные пассажирские вагоны: видимо, ехало немало большого армейского начальства.

Дальгородский эшелон стал рядом, и все разьясни лось. Снег вовсе разбрюзг, между составами в жиже сочно чавкали ногами худые военные в потрепанных польски; шинелях, у многих — старые, сбитые набекрень, сохра ненные здесь конфедератки с большими козырьками остальные в лохматых ушастых русских шапках; и много гражданских.

Где-то в России формировалась первая польская дивизия для совместной с советскими войсками борьбы с гит леровцами. Ринулись в нее и беженцы из Польши. Но судя по выкрикам в этом столпотворении, единогласш среди поляков не было.

Русские и поляки сразу смешались. Бойцы выворачивали свои карманы, опустошали кисеты, самодельные металлические портсигары. Узкое пространство между эшелонами заволокло сизым табачным дымом, как горное ущелье ядовитым туманом.

Соловков тоже соскочил наземь, заметив товарища по пехотному училищу лейтенанта Виктора Гармаша, началь-шка оперативного отдела штаба полка, в окружении большой толпы поляков. Тот разговаривал по-польски, это был зодной язык его покойной матери-польки.

- Пан офицер, нам же вместе воевать против Гитле-за? — настойчиво добивался от него ответа поляк в граж-данском, одетый в осеннее пальтишко с пододетой под него женской вязаной кофтой.

Вместе, вместе, — подтверждал Гармаш.

А среди наших военных нет такого согласия — разброд. Одни за Россию, иные за пана генерала Андерса, туда нас призывают, к нему в Иран. Там он сколачива ет войско. Мы же все поляки, все едины.

Значит, не едины, — уклончиво и кратко возразил Гармаш, чтобы соглядатаи от польского командования не обвинили его во вмешательстве и агитации.

Мимо Соловкова крупно прошагал польский офицер в приличной шинели и крепких сапогах, конфедератка с орлом над большим козырьком ловко сидела на его узкой голове. Он сделал вид, что не заметил русского лейтенанта, а Соловков хотел было козырнуть ему.

— По вагонам, панове! — закричал он, остро срывая простуженный голос, кончик хрящеватого носа побелел от натуги.

Часто сигналил паровоз — тоже торопил. Но в вагоны мало кто лез, на путях образовался затор. Солдаты и гражданские в толпе чуть приумолкли, но в середке по-прежнему гомонили. Там стоял еще один польский командир — плечистый и

головастый. На него сыпались те же вопросы и выкрики:

Пан подхорунжий, войско польское, войско советское — одно войско против Гитлера. Так?

Несогласные мы к пану генералу Андерсу.

Через Россию Польша ближе! Соседи мы!

Видимо, от польского офицера добивались определенного ответа. Ведь их командование подписало в августе в Москве договор о совместной борьбе с общим врагом. Может, офицер знает какие-нибудь подробности?

— Подхорунжий Войтеховский! — окликнул его резко и сипло подошедший офицер. Перед ним расступились, оказались друг перед другом.— Опять эти дискуссии? } приказал закрыть вагоны с этой стороны.

Подхорунжий Войтеховский развел руками:

— Солдаты" и беженцы требуют ясности. Споры не прекратятся и там, куда едем на формирование дивизии. Думаю, лучше выяснить теперь...

Сжав тонкие губы, поручник опустил серо-голубые глаза, посмотрел на расшлепанные, почти утонувшие в снежной жиже башмаки подхорунжего, потом вскинул белесые ресницы, заговорил спокойнее:

— Панове, обсудим все проблемы, как сформируем свою часть. Советское командование, Советское правительство обещают вооружить нас, и, разумеется, союзники не оставят нас без помощи. Нужно сначала создать боевую часть.

Казалось, ответ разумный, но ропот опять начал нарастать. Разгребая толпу обмерзшими, красными, как говядина, руками, к командирам пробился грузный солдат сочных от вешней воды валенках, в русской шапке-треухе

— Пан поручник, этот вопрос надо нам решать тут, месте, чтоб приехать к месту формирования дивизии определенным мнением и единогласием,— возразил он.

Сплошные крики покрыли его слова:

— Верно сказал коваль Еганський!

Не желаем из России! Польша за Россией!

Я, к примеру, из Люблина, пан поручник,— продолжал обмороженный солдат — бывший кузнец Еганський.- Мне от Буга немного хода.

Гармаш переводил Соловкову спор поляков, шепча на ухо, а тот поглядывал на разбитые, утонувшие в жижу ботинки подхорунжего Войтеховского. Командир явно замёрз,— поднимал из снежного месива то одну, то другую ногу.

То, что Советы освободят Польшу первыми, ясно и ребятам, только что начавшему учить географию. Прежде поручник Дымовский не возражал против пути в Польшу через Россию. Но теперь среди офицеров пошли разговоры о генерале Андерсе, который тоже формирует польскую армию, но в Иране; там союзники снабжают всем необходимым. Дымовский не скрыл от однополчанина Владислава Войтеховского, что ему хотелось бы новинки из Рима с дядей, братом отца, который служит юристом при

папской курии в Ватикане, с его помощью можно обеспечить себе более почетное будущее. Желание солдат остаться в России он понимал, сочувствовал им, но сам уже избрал Иран, как скрытно или явно избрали иные из офицеров.

— Мой дом тоже близко от России,— вдруг задумчиво промолвил подхорунжий Войтеховский, потом вскинул большую голову, решительно глянул на поручника Дымовского.— В Пулавах, Сестра Мария в деревне вблизи Казимежа.

Толпа заколыхалась, ободренная явным согласием с ними младшего офицера.

«Вот молодец!» — порадовался за него Соловков и опять сочувственно глянул на расшлепанные ботинки Войтеховского.

Советский эшелон дрогнул, лязгнув буферами; часто покрикивая, паровоз тихо потянул состав на запасный путь. Поляки неохотно отступали к своему составу, кричали, махали руками, прощаясь с советскими солдатами, Весело желали крепко бить Гитлера. Лейтенант Соловков на ходу вспрыгнул в вагон своего взвода, потянул с нар вещевой мешок, достал из него мягкие яловые сапоги, сшитые щегольски на заказ сапожником в Дальгороде, переобулся, в голенища кирзовых еще новых, выданных старшиной роты всего два дня назад, сунул свежие Зайковые портянки, выскочил из вагона, побежал назад.

Поляки толпами расходились по своим вагонам, поручник Дымовский спешил к пассажирским, где ехали офицеры. Подхорунжий Войтеховский лез на тормозную площадку, из его ботинок выливалась вода. Он хотел переобуться, вернее, выжать из носков и тряпок воду. Тут же стоял коваль Еганский, подсаживал и посмеивался.

— Подхорунжий Войтеховский! Ко мне! — волнуясь, полусхутом приказал Соловков.

Те обернулись. Русский офицер кинул на тормозную площадку сапоги.

— Переобуться! К фронту по России в российских сапогах надежнее!

Пока подхорунжий на пригретой солнцем сухой площадке переобувал один сапог, Еганский весело шелкало го звонкой подошве другого, говорил по-русски:

— Вшисько повезло пану подхорунжему! В таких сапогах всю Польшу можно освободить.

Смущенный Войтеховский крепко пожал ладонь лейтенанта Соловкова, а тот схватил его набухшие водой, ощеренные зубьями ржавых гвоздей башмаки, в розмах запустил их через вагон подальше.

Поляк и русский пожелали друг другу фронтовых встреч.

IV

Дивизия продвигалась.. по Центральному фронту. Е путь зависел от военной ситуации, от того, где она в на стоящее время больше понадобится.

Прошли через Гжатск — город без крыш, с черным: глазами выбитых окон; обезглавленный, безлюдный, о; казался в ночи руинами древнего города — лицом войны

Даже ночью парило, сквозь сырое темное марево питалось трудно, скатки шинелей, каски — хоть брось н обочину. Потом шли лесами по звездному шоссе: накатанное до блеска фронтовыми машинами, оно мерцало, как тихая река.

Тяжелый ливень, как водопад, обрушился на лес. Соловков начал шарить руками

перед собой, чтобы ухватились за кого-нибудь. Глушил грохот грома, вовсе слепил зигзаги белых молний, лес, казалось, трещал, расщеплялся ими. С опушки были видны быстро гаснущие красные искры на земле, словно в поле расшибались молнии; и сразу понял Соловков, что бомбы или снаряды рвутся, вблизи леса, по которому ломались через кусты, натык; лисья на деревьях взводы, роты, батальоны.

В рассветной синеве стояло сплошное море дождевой воды, будто где-то прорвало плотину и началось наводнение. Деревья, кусты орешника, бузины, дубняк отражались как в зеркале. От усталости Соловков еле стоял на ногах, снял тяжелую скатку, развернул, швырнул на пыльный куст дубняка: шинель расстелилась летом. Соловков лег на нее плашмя, раскинув руки и ноги, закачался, будто на крыльях огромной птицы: вот-вот взлетит выше леса. Блаженная легкость, невесомость отрадны.

— Все на кусты! Вот так! — И был счастлив, видя, как бултыхаясь в воде, разбежались бойцы его взвода, стелили шинели на кусты, ложились ниц и засыпали, покачивая над зеленовато-голубой равниной воды.

Начали таким манером пристраиваться и остальные взводы — весь батальон. Объезжая на сером мерине полмайор Бармитко, всегда сдержанный на похвалу и изъявления чувств, взглянул на комиссара Шагунова, ехавшего рядом на буланой кобыле:

— Смотрите, Николай Никитич... блоху подковали. Кто умудрил?

— Взвод лейтенанта Соловкова! — отозвался Чернышев с хитроумной кровати. — Комвзвода надоумил.

— И за такое бы награждать.

Комиссар промолчал, сонно покачиваясь в седле, досадливо думал: землю развезло, тылы отстали, бойцы не кормлены...

С жалостью наблюдал Соловков за молодыми бойцами: и так юношески тонкотелы, теперь же сборок под ремнями на гимнастерках не счесть. Конопелки на лице самого юного солдата Терезипа вовсе почернели, словно обрызган грязью; высокий Спасибенко будто надламывался, как молоденький тополь, вот-вот рухнет под тяжестью части пулемета «максим»; поугрюмел и речистый, бывший председатель колхоза сорокалетний Нюхарев; вовсе помрачнел ручной пулеметчик, командир отделения ефрейтор Анагликин, у которого и при хорошем его настроении слова не вытянешь — все где-то витает своими никому не известными мыслями. Не лучше выглядели и остальные. Только скуластый отделенный комсорг Баядиль тихо напевал себе что-то восточное — про то, что видел, про то, что помнил, да старики — Чернышев и сухонький, костистый, жилистый Антон Игнатьевич шли размеренно, как мужицкие лошади в гору с тяжелой кладью в телегах, не понимая — устали или всего лишь в глубоком раздумье. А целиком жуящее отделение комбата казалось сытым.

Политрук Никишин, пружинистый смугляк с поблекшим румянцем, бодрился: встречаясь с кем-нибудь глазами, подмигивал — держись, мол, все в жизни проходящее, прошла зима, пройдет лето, пройдет и это. Старшина Денисов устало нес свое одрябшее тучное тело, дышал с хрипотцой: ему, жившему до этих августовских дней в непрерывной сытости, особенно тяжело приходилось теперь. Все уныло посматривали на него, ни в чем не обвиняя.

«Чем мне помочь им?..» — терзался Соловков безнадежным вопросом. Быть может, всем им и ему тоже просто нужна веселая надежда? Одна веселая, выдуманная

надежда!

— Вот что, старшина, ты обещал накормить нас сегодня. Круглые отупевшие глаза Денисова по-совиному незряче уставились на лейтенанта, задышал тяжело, не в силах сказать: «А никаких таких обещаний я не давал»

— Будем считать так, старшина: мы на самых передовых позициях, вот-вот в бой, и народ для бодрости и жизнелюбия надо накормить. Мы обессилели, немцы нас куют и разобьют, а вас, старшина Денисов, расстреляю наши за неспособность доставить еду на передовую. На штрафную роту не рассчитывайте, туда не угодите. Разыграем такой случай, товарищи бойцы?!

Повеселев лицами, красноармейцы переглядывались, не прочь поразвлечься, увести себя от мыслей о пустом, сердито урчащем желудке, и — чем черт не шутит, когда боп спит!..

— Шагом марш на разживу! — всерьез приказал Соловков.— Сержант Чернышев, в помощь старшине выделить трех бойцов.

Денисов с минуту мешковато раскачивался на месте: повернуть к командиру роты, доложить о нелепом рас- ряжении взводного? Но уже подошел с двумя бойцами помкомвзвода Чернышев.

Мало трех, товарищ лейтенант, не донесем поклажу! — подчеркнуто насмешливо отозвался наконец старшина.

Даю своего связного. Бяхов!

Ушел куда-то с Сюрвасевым,— сказал Чернышев.— Возьму отделенного Анашкина.

Сдерживая смех, бойцы смотрели вслед удаляющимся в неизвестном направлении снабженцам. Командир отделения, он же ручной пулеметчик, Баядиль приятельски подмигнул раскосыми глазами взводному:

—Якши, товарищ лейтенант!

Возбужденный собственной выдумкой и как-то даже веря в ее сбыточность, Соловков хлопнул ладонью по опустевшему сидору Нюхарева:

— Большое дело — запасец, а еще лучше иметь догадливую голову. А на разживу ушло пять голов. Так ведь председатель колхоза?

Связной Бяхов и отделенный коми Сюрвасев нагнали взвод уже по-темному.

— Товарищ лейтенант, в сторонку,— услышал Соловков. В полумраке красивое, смуглое лицо Бяхова мило улыбалось, поблескивая зубами и белками глаз.

Заинтересованный Соловков пошел за ним следом в кусты. Там Сюрвасев развернул на ходу белую тряпицу; взводный подумал: не хочет ли похвастаться свежей смолой? Но не сосной пахнуло на него — жареной свиной.

—Закусите, товарищ лейтенант.

Соловков нащупал на его большой ладони кусок теплого мяса, запах свинины, казалось, наполнил весь пропахший сладкой гнилью ольховый высокий лес. Бяхов подал взводному намокший сухарь.

— Настоящее жаркое! Где раздобыли? — Соловков легко разжевывал мясо, причмокивая губами.— А сами?

—Уже ели.

— А все же, если не секрет? Иначе спасибо не дождетесь.— Соловков засмеялся от сытости.

Коми помялись, переглядываясь в темноте. Сюрвасев ответил с высоты своего роста, словно с темной вершины ольхи:

— Побоялись сразу сказать — есть не стали бы. А поход опять на всю ночь, может, бой с утречка... Слышите?

Издали доносился еще слитный пушечный гул.

А если без предисловий, короче, Сюрвасев?

Ёж.

Что? Какой ёж?

А простой. Колючий.

Соловкова не затошнило, пересилило удивление: еж пахнет свиной, и вкус свиной!

— Здорово! Вот спасибо! Век живи — век учишься, авось дурнем не помрешь.

Коми смеялись, срезая путь наискосок, чтобы выйти к своему взводу на просеку.

Ночь шли по вязкому лесу. Когда в выси начинал ныть невидимый самолет-наблюдатель, углублялись с опушки в чашу. Двигались все время вдоль фронта, он обозначался слева заревом немецких осветительных ракет.

На предзакатном привале из чаща леса выбрались пятеро добытчиков с тяжелой поклажей на спинах. Денисов хрипел от натуги, неся что-то обернутое для маскировки и от любопытных глаз еловыми лапами. Все кучей свалились возле спящего Соловкова. Он пошевелился от мягкого удара в бок, открыл глаза.

— Товарищ лейтенант,— тяжело задышал ему в ухо старшина,— у артиллеристов лошадь увели. Вот.

Соловков разом сел, втянул носом запах парного мяса.

Увели?!

Так точно. Вы ничего только не думайте... Такая картина, товарищ лейтенант: их бомбили, пушкарей-то, двух коней — наповал, а это...— Денисов откинул елочные лапы, сыро шлепнул ладонью по красной горе мяса,— эта шла умирать в лес. Идет и хлопает нижней челюстью, как экскаватор ковшом, кровь так и хлещет... Может, не заметили бы конягу, да услышали крик: «Догоните ее пристрелите, съедим!» А мы так рассудили: им, пушкарям, свою худобу вроде бы и есть не положено, душа не ляжет. Увели, сердешную, в самую гущину, турнули в ов раг и там разделали тушу. Хорошо пятого бойца дали — не донесли бы.

Варить как будете?

Поблизости овраг. Выдолбим в крутизне пещерку пока дым подымется из низины — рассеется по высокому лесу. В жару да такую парню лес и без дыма сизый, немец с воздуха не заметит. Сейчас заберем с повозки котлы и — туда. Мои работнички пусть'отдыхают, возьмем свежих...

Нет уж, старшина, мы свое дело доведем до конца! — запротестовал Чернышев. И остальные ходки подняли от травы усталые головы.— Какой такой есть человек, который на полделе — стоп?!

Накормить сто двадцать ртов — дело нелегкое, и с дру гими ртами батальона пришлось поделиться духовитым варевом и куском. На другой день чувство голода разыграло опять, усиливало его воспоминание о вчерашнем пиршестве.

Рота пополнилась: пришли четыре медсестры — род ные сестры Тося и Рая, обе курносенькие, золотоглавые низенькие. Рядом с ними плечистая Паша казалась боль шой

теткой. Четвертая — худошавая, стройная Галя, пи лотка на ней сидела высоко, вероятно в ней прятался кру ченый узел кос. Ее фамилия навела Соловкова на размышление: Галя Мечтайло — либо однофамилица ПНШ Павла Мечтайло, либо родственница.

Разговор о пустых урчащих животах, о еде сразу закончился.

С девчатами будто и белый свет другой... Как в стихах...

Все бы ты женихался, Терезин. Оставь на после войны.

С войны он седой вернется, товарищ старшина,- сказал высокий Спасибенко.

И седых подберут нарасхват еще за околицей.

Да-а-а, выбор будет богатый. А я люблю песенных девчат.

— У меня по этой части жинка с чудинкой,— похва лился Нюхарев. Его широченные плечи теснили бойцов.

С придурью, что ль? — веснушчатое личико Терезина смеялось.

Как где заслышит концерт, она и дышать перестанет. И была у нас с ней не жизнь, а сплошная опера. На ее ухе соловей сидел. Право слово! Иван Евсеич подтвердит, он чай на клиросе пел в нашем приходе.— Нюхарев смолк, опасливо покосился на Чернышева.

Это парторг-то наш в церковном хоре?! — расхохотался Терезин.

От удивления и без того путаный строй вовсе ошибся. Говор, смех, все теснились, чтобы взглянуть на Чернышо-ва, словно впервые увидели его. Тот сердито-укоризненно качнул головой. Нюхарев попытался заговорить смешливых бойцов:

А вы что дивитесь, ребята? Аль Иван Евсеич парторгом родился, а? Потом он и в клубноод хоре пел.— И Нюхарев вновь проговорился: — Ас той церкви он и прозвище Пасочка подхватил...— Он окончательно смутился, закашлялся, смолк.

Да-а-а, было дело...— усмехнулся в пышные усы Чернышев,— сам не прочь повеселить бойцов, отвлечь их мысли от еды.— В деревнях-то как живем, ребята? Никто друг дружку за глаза по фамилии или отчеству не величает. Фамилия — для документов, а в повседневности — прозвища. К примеру: Тюрюшка, Талалай... Тюрюшка — наш сосед. Семья двадцать восемь ртов. Бывало, ба.бка, жена Тюрюшки, примет своего ребятенка за чужого и гонит со двора. Голосьба и потеха на весь порядок. Так вот, ела эта семья больше тюрю. Сейчас такое блюдо подзабыли, в поваренном сочинении, должно, не найти. Что это? Хлеб, соль, лук, немного постного масла — все это добро в теплой воде. Хлебай на здоровье! Вот и прозвали соседа Тюрюшкой. А со мной случилось иное.

Все шеренги окончательно изломались, шли толпой, а посередине — парторг Чернышев. И ни одного унылого лица.

— До женитьбы я без прозвища ходил, ни одна кличка не приживалась, не попадала в характер. А верно, в ту пору я голос имел театральный, бывало, попу без меня служба не в службу, если я не на клиросе. А на селе у пас спокон веков у ребят такое правило водилось — паски на всеночной воровать. Бога-то мы не ахти боялись. Веселое занятие! Слушайте дале. В один год принес святить паску и я. До,службы еще далеко, задремал в церкви на полу. Ребята у меня и украли паску.

Чернышев перегадил, пока уляжется смех.

—Спросонья хожу по церкви, ищу свою паску и бурчу в голос. «Черт возьми, где ж моя пасочка?!» Отец дьякон — навстречу, за голову ухватился: «Иван Евсеич, да что ж ты в божьем доме черными словами?!» А меня такая злость разобрала!.. Служба вот-вот

начнется, на клирос надо... «Э, отец дьякон,— говорю,— а на кой черт чужие паски брать! Как я домой без пасочки заявлюсь?! А народ слухмённый — в смех по всей церкви... Так с те пор — «Пасочка» и «Пасочка». Поперва обижался, а по том будто и от своей фамилии отвык. И на гражданской войне Пасочкой величали.

Чернышов-Пасочка хитро прищурил окруженные морщинами глаза.

— Ежель кто обмолвится, Пасочкой назовет, не обижусь. И до слуха сразу доходит.

И начались разные другие -воспоминания —- веселые грустные.

А я прощался со своей Натахой огорчительно,- вздохнул Нгохарев.— У нее так круглые сутки глаза в слезах плавали.

А я непременно на красивой женюсь,— будто пропел Терезин, глядя ввысь на тихие вершины сосен.

Это, милый, не узнаешь, к какой тебя судьба толкнет. И рябая может за душу взять. Или вон та курносенькая сестра. Слушай, лес, что дубрава говорит! — сказав Антон Игнатьевич. Среди молодых, даже рядом с Чернышевым, он казался старым дубом в молодой роще.

Ни в жизнь на такой. На Гале — да.

Галя повела плечами, глаза укрылись длинными рее ницами. Соловков вспомнил вычитанное где-то: «Ногою за красотой — глупая сентиментальность».

Терезину за границей бы родиться, там, кажут, газеты есть такие: женихи и невесты всяк себе рекламу делают — так и паруются.

Да у нас все газеты брачные, товарищ старшина! - звонкоголосо подхватил тот.

Выдумал.

А посудите: отпечатали портрет дивчины-трудяги, слова о ней. Сразу ей — тыщи писем со всех концов страны: «Позвольте познакомиться, так как мы тоже не лыком шиты». Иной и номерок газеты со своим снимком пришлет... Не-е-ет, зачем мне за кордон?!

Остановились на привал, взвод кучно разлегся возле ручья.

Сейчас бы сухарик помочить да посмаковать...- изрек мечтательный голос.

Только отделение Баядиля частило винтовки и пулемет.

— Злая винтовка бывает, когда чистая бывает,— приговаривал отделенный,

Анашкин тоже принялся надраивать свой ручной пу-лемет, зло вторя Баядилю:

— Жена ненадежна, изменит, а винтовка — никогда...

— Дывитесь, хлопцы! — весело воскликнул Спасибенко.— Ефрейтор Анашкин не надеется на свою жинку-молодку.

Терезину только бы посмеяться, всегда на подхвате:

— Вот погодите, скоро в армии будут сплошь женатики — ото злости скопится! — враз в Германии очутимся.

Анашкин зло косился на зубоскалов. Соловков пере-лянулся с Галей, которая сидела на берегу, окунув босые пылающие ноги в холодную прозрачную воду, и улыбаясь. Удобный момент спросить ее о совпадении фамилий Мечтайло, но опять что-то удержало. Странно, он же запросто держал себя с институтскими девушками, танцевал, шутил, даже пописывал стихи про любовь.

«Одичал». Война, ополчение, училище, армейская жизнь будто отсекли житейские развлечения, появилась робость перед женщинами, словно они — особенное гордое,

независимое племя.

Весь день отсыпались в красноватом ольховом лесу. Р азбудил голосистый Терезин. Он стоял среди спящих незаспанный, веснушчатое лицо нетерпеливо-веселое.

Ребята! Сейчас водка будет! Тылы подтянулись!

Вот гонцор, уже узнал! — улыбнулся Антонатьевич.

И все вспомнили: выступающим на передовую полагается по сто граммов водки в день. Соловкря проняло смешное возбуждение, хотя к выпивке не был пристрастен, а тут загорелось что-то в душе, и приятно наблюдать суетливо-веселое оживление бойцов.

Действительно, на закате солнца старшина пришел весь увешанный фляжками и узелками, как шаман предметами культа, два бойца несли на закорках по бачку — первым и вторым. Зазвенели пустые котелки, брякнули ложки. Было удивительно тихо вблизи передовой, ольховый лес плавно покачивался, далеко высились еще не потрепанные осенними ветрами метлы их вершин.

Миновав лес, батальон оказался на развалинах большого села, от порядка осталась лишь вереница светлых в темноте русских печей с вытянутыми темными шеями труб. Бойцы запутались в поваленных заборах и обгорелых железных кроватях. Закудахтали куры, сброшенным с каких-то низеньких насестов.

Испуганный Терезин схватил из-под ног курицу, под вернул ей голову под крыло, положил наземь. Откуда-то с протяжным свистом принеслись две мины, трескуче разорвались на опустелой дороге, осыпав ее тяжелыми красноватыми искрами. Соловков «поклонился», но тут же пружинисто выпрямился.

По косогору чернели глыбы подбитых немецких и наших танков. В низине вошли по пояс в картофельную ботву. Обходя в одном месте раakitник, Соловков наткнулся на труп в черном, тугом шлеме, упал. Поднимаясь, нащупал кобуру, вынул из нее неуклюжий парабеллум.

— Вот так оборона! — ни единого окопчика. А говорили: меняем какую-то часть,— ворчал сержант Чернышов, путаясь в лианистой ботве.

Немцы услышали движение перед опушкой, несколько золотистых пунктиров трассирующих пуль прочертили черное поле. Где-то раздался первый стон. От неожиданности Соловков решил: сейчас немцы атакуют. Он упал плашмя в глубокую борозду, но мысль, что взвод без окопов, прибавила ему бесстрашия — поднялся в меже из высокой ботвы, куда затащил его страх, как зыбкое бо лото.

— Врыться! Во весь рост! Передать по цепи! — требовал он, бегая и натываясь на бойцов. Чтобы не путаться в ботве, он высоко подпрыгивал, и эта мальчишеская скачка не то веселила его, не то придавала бодрости. И трассы пуль не пугали: они видимы.

Вблизи взвилась ракета. Соловков завороченно проследил за ее тающим поводком, она распустилась в вышин вялым блеском, заливая им картофельное поле, черную стену опушки, а справа через дорогу — желто-белое, выполосканное дождями ржаное поле, немецкие танки. Соловков знал, что машины мертвы, и все же его проняло холодок — так они близки и громадны и будто бесшумно идут в подвижном свете ракет.

Все припали в бороздах, потонули в ботве, как в тинистых осенних водах. Последнее, что заметил Соловков,— между ними и вражеской опушкой крошечные домики на столбиках: пасека. Опушка чернела метрах в двухстах, как силуэт города с башнями и куполами, с зубчатой крепостной стеной, а готические ели виделись с древней прозеленью.

Ракеты перестали взлетать. И опять — осторожное шуршание земли, слабенькая мелодия маленьких лопат. Вот она какая, передовая!

Туманно расплывались звезды, сея по земле свет, не дающий видимости и теней.

V

Комдив Уклеев приехал к майору Бармитко на НП. В хитроумно сделанном блиндаже под русской печкой на краю сожженного села еле поместились они двое и комиссар Шагунов.

Полковник водил карандашом по расчерченной раз-гранлиниями и стрелами карте-трехверстке. Стародавний орден Красного Знамени с отлетевшим кусочком алой эма-ли касался карты.

— Задача вашего полка, Иван Архипович,— начисто выбить немцев из леса, занять на левом фланге противника городок Карманово, форсировать Гжать.— Комдив сутулился, морщил красный лоб.— Повторяю: лес освободить начисто. На просеках дзоты.

Боевая задача полкам поставлена еще раньше, но тогда этого «начисто» полковник не произносил, тогда казалось, что он дает командирам полков отдушину для самостоятельных решений с учетом обстановки — в этом и можно показать свое лицо, о чем Иван Архипович думал еще в Сибири.

Озадаченный майор молчал. Уклеев уехал.

— Иван Архипович, пусть сначала действуют второй и третий батальоны. В первом может с ходу проявиться несогласованность: Гостев бывал в боях, но роты его не обстреляны, пусть сначала приглядятся к действию других.

Бармитко не стал возражать, сам решил держать пер-вый батальон во втором эшелоне для развития успеха и заранее договорился о том с самим капитаном Гостевым. Иван Архипович чувствовал себя отцом трех сыновей, но больше всех любим тот, что горазд на выдумки и себе на уме. Вспоминал отдых гостевцев в залитом ливнем лесу... А в остальных батальонах бойцы подпирали спинами деревья.

«Итак, у немцев на опушке — ни дзотов, ни траншей, доложим, они не приучены врываться в землю при каждой задержке, еще во власти «блицкрига». А что означаю дзоты на просеках? Для борьбы с партизанами? В можно...»

Все настораживало Бармитко и начинало убеждать, что комдив прав: лес надо освободить начисто, а потом уже приступить к штурму Карманова и кармановских высот. Но не слишком ли дорого обойдется это дивизии?..

Узнав, что первый батальон во втором эшелоне, Соловков порадовался: не потому, что «миновала чаша сия», - сначала хотелось увидеть бой со стороны.

Наблюдал за тихим рассветом, тревожась ожиданием.

Сказывают, в подобные минуты вспоминается дом родной,— Соловков не хотел этого: война для него начала смертью отца. Похоронив его рядом с могилой матери сразу же ушел на сборный пункт Московского ополчения. Пришло на ум почему-то только, как они бранились: отец бормотал по-немецки, мать ворчала на английском — оба преподавали эти языки. Соловков улыбнулся воспоминанию.

Взрывы снарядов в лесу слились в сплошное эхо. Бойцы высовывались из щелей, как птицы из гнезд, Толя Чернышев и Антон Игнатьевич сидели в окопе спиной к лесу,

курили: у бывалых солдат смерть не вызывал; любопытства, к тому же война ничего живого и не делает — не на что смотреть, нечем любоваться.

Умирал же прежде всего лес. Он шевелился податли выми кронами, смятенно качаясь в безветрии, одна темно зеленая стрелчатая, будто древняя башня, ель рухнула. До щели Соловкова докатилась дрожь земли.

К опушке врассыпную бежали бойцы второго и треть его батальонов, пружинисто подскакивали, чтобы не запу таться в тугой картофельной ботве, словно прыгали с ня на камень.

«Интересно, кричат они «ура» или на молчанку? — все звуки, даже пушечные залпы, глушило шумливое эхо.- Бежал бы я натихую?»

Вблизи Терезин обматывал лицо полотенцем, наняли на руки кальсоны.

— Я вас сейчас медом угощу, товарищ лейтенант. Со товый — что надо! — Он выпрыгнул из екона, яобежая пасеке. Теперь не на атаку соседних батальонов смотрели бойцы в окопах — на юркую фигуру Терезина.

Под легким навесом грудой лежали старые рамы с бызалой вощиной. Терезин вынимал из улья переполненные, тяжелые, заменяя их пустыми сотами.

— Так, так, гонцор! — одобрил Антон Игнатъевич.

Тяжелые бомбардировщики с белесыми крестами под крыльями выплыли из-за леса с запада. По траншеям раздавались возгласы «воздух». Только один Федор Молочков безбоязненно, увлеченно рисовал на широко распластанном по брустверу блокноте поле, бегущих к лесу бойцов, крестовидные вражеские самолеты в вышине. Соловкова потянуло взглянуть. Пока лишь штрихи и контуры, сама панорама поля боя, видимо, останется в его памяти и ляжет в свое время на полотно в красках. Наверное, таков закон искусства.

Увековечь, увековечь! — подбодрил Соловков.

Нашли место!..— По траншее к ним подошел помощник начальника штаба Мечтайло, недоуменно стал следить за бойким жирным карандашом художника, который странно притягивал его насмешливые глаза, рассеивая страх, нависший над ними с рокочущего неба. Мечтайло прислали в первый батальон от штаба полка наблюдать, подать командирам нужный совет, а тут занимаются праздными делами: добычей меда и рисованием. Но странно...

во всем этом виделось бесстрашие и невольно нравилось.

Первая бомба упала вблизи пасеки, воздушная волна гбросила со столбиков улей, сорвала с лица Терезина по-лотенце, разгневанные пчелы тучкой кинулись на него. Эт укусов и двойного страха добытчик заметался, нырнул головой в высокую ботву, но сот не бросил. По движению мятежной тучки можно было проследить, где он ползет.

Среди самолетов вспыхивали, как белые парашюты, круглые облачка от рвущихся зенитных снарядов. У одетого бомбардировщика оторвало хвост, самолет рухнул на острия елочных вершин, рассыпался, как игрушечный, обливая огнем деревья.

Терезин вынырнул у самых окопов, как лягушка из гины, весь заляпанный медом и землей и держа в охалке давленные соты. Из распухающих губ срывалось немо:

— Бу, бу, бу...— Пухли щеки и веки, все лицо делаюсь красно-сизым.

Куски сочной вощины пошли по рукам.

— Эй, коми, вощина на жвачку годится? — кричал кто-то.

Теперь сосновой смолы до отвала! — отозвался веселыми баритончик Сюрвасева.

Ну и люди!..— восхищался Мечтайло.— Соловко, аль и в самом деле на миру и смерть красна? - Мудрен народ!

Новое падение бомб оборвало разговор, вой их снарядов непривычен, он вжимал людей в дно траншей, по телу ходили мурашки.

Соловков усиленно сосал сочную вощину, не чуя вкуса меда, и смотрел прямо на истребитель с прозрачным за крытым забралом: самолет стремительно падал на него как подбитый. Соловков четко видел летчика, устреми шего взгляд... нет, не просто на землю, а на него, Соловкова. Лейтенант вызывающе приподнялся, пристально глядя ему в лицо, и оба одновременно яростно погрозили друг другу кулаками. Тяжелые пули воздушного стрелка прошли окоп поперек чуть не впритирку. Соловкова обдал вспышками сухой земли. С нарастающим ревом истребитель вышел из пике, взвился столбом ввысь.

«Эх, мне бы встретить этого аса тоже очередь из пу лемета!» — спохватился он.

Майор Бармитко получил донесения по рациям от двух комбатов, вошедших в лес: артиллерийские и минометные налеты противника прижали роты к земле, люди окапываются.

— Вы под обманчивой крышей,— предупредил их командир полка.— Продвигайтесь, продвигайтесь — меньше потерь, больше пользы.

Оба комбата знали и про эту опасность, и про пользу непрерывного движения в данной ситуации, но крепко запомнили общую задачу, поставленную комдивом перед двумя действующими полками: подавить дзоты на прос ках. начисто освободить лес от противника.

Бармитко досадливо отвернулся от радики, приник печной амбразуре. Мысли потекли самые безрадостные, батальоны обречены, если не вывести из пристрелянной немцами зоны. Но назад не отведешь. Майор присмотрелся к картофельному полю: окопы в ботве все еще лгоднь Медлит капитан Гостев. Но подумал о том без досады скорее с какой-то надеждой: может быть, капитан-фронтовик как-то сумеет сохранить свой батальон.

— Вызовите комбата-один,— сказал он через плечо связисту на телефоне,

Не ожидая, что скажет полковой командир, капитан Гостев доложил:

Ситуация мне не по душе, Иван Архипович.

Мне тоже, Сергей Васильевич.

Но теперь могу поднять своих людей.

Что произошло теперь? — это полутаинственное слово усилило надежды майора.

— Лес поредел.

Да, лес теперь поредел, проглядывался в глубину метров на полтора, торчали остовы деревьев, ободранные, расщепленные осколками и взрывами бомб, как ударами молний. Но дальше, дальше — темно-зеленая плотная стена, прошибить ее еще хотя бы метров на сто — жертвовать последним батальоном.

Самостоятельности жду от вас там, Сергей Васильевич. Слушайте: дзоты блокируют без вас.

Спасибо, Иван Архипович! Облегчаете задачу.

Соловков так и не увидел бой со стороны: во-первых, он проходил где-то в лесу, а во-вторых...

- Вперед, товарищи бойцы! — закричал вблизи политрук Никишин. По-девичьи румяное лицо его побледнело, но глаза бедово смотрели по сторонам, тоже призывали. Кричал, но не решался первым выскочить из насиженного окопа на бруствер. Починать всегда трудно, кто бы ты ни был по званию и должности. Бойцы понимали его и не косились па политрука.

Полез на бруствер мешковатый Чернышев, его подсаживал Антон Игнатьевич, потом сержант подал руку старшему бойцу, и оба очутились у всех на виду, и тогда брустверы ощетинились винтовками. К лесу бежали тоже вприпрыжку, чтобы не путаться в толсторослой ботве. Соловков скакал последним. Он видел Молочкова и Мечтайло. Мечтайло был весь в серой пыли, только бутылки новеньких, гладко начищенных сапог сверкали в ботве, весело стреляя по глазам Соловкова солнечными зайчиками.

Мечтайло мог бы и остаться при комбате Гостеве, но человеческая волна, выплеснувшаяся из траншеп, подхватила его всеобщим настроением движения вперед — хоть смерти. И не мог он отстать от Соповкова, однажды уже униженный перед ним. Было такое предчувствие: отныне °пи оба надолго привязаны друг к другу.

И тишина наступила радостная, блаженная. Легко, густо лопались в вышине зенитные снаряды, небо усеялось круглыми и расплывающимися облачками, бомбы рвались где-то в отдалении. Роты перемешались, так оравой и вломились в сплошной бурелом. Кусты, изломанные тела деревьев, растерзанные и целые тела убитых — все тут спуталось с землей и листвой.

Среди остатков берез и елей чернели три подбитых ка, они внушали Соловкову чувство безопасности, будто свои, целехонькие — пойдут прокладывать путь пехоте. Над ними еще зеленели несколько куполов кленов — и де ревя не все погибают. И так, видно, устроен человек: лесная или избяная крыша — все крыша, под нее и нет,— бойцы обсели танки, начали окапываться.

Всюду из-под ветвей выглядывали одинаково бледные лица живых и убитых. Чернышев деловито распорядился вытащить из щелей мертвых, живые зашевелились, как огромный муравейник.

Соловков порадовался, как много сильных рук взялось за тяжелое дерево, оно захрустело белыми жилами, дед жась за родной комель, развернулось, легло над рядом щелей.

— Вот так накат, братцы!—восхитился политрук.- Кому места нехватка, подкапывайся под березу-матушку — прикроет. Своя, русская.— Он возбужденно подмигнул Соловкову: опять щеки его горели девичьим румянцем: — Вот жизнь, лейтенант!

Соловкову захотелось поговорить с ним, только не войне.

А мирная жизнь была какая? Война с какого якоря сорвала?

Со школьного. Парты, ученики вспоминаются как во сне...

О себе Соловков сказать не успел. Угрюмо забубнили немецкие минометы. Люди набились в щели под сучковатое тело березы. Налет оглушающий, бешеный. Соловков и связной Бяхов успели упасть возле танка, принялись врываться лежа. Рядом, жуя смолу, копались Сюрвасев и его отделение, эти под поваленным кленом. Дерево стояло на растопыренных толстых сучьях, как пьяный на ка рачках. Остальные бойцы первой роты расползались под танки, как раки. Прятались от смерти, и это казалось Со ловкову унижительным.

«Только спасаемся. А что делать? И как светло в лесу! В лесу?..» — Соловков глянул в небо. В одну минуту и нар танками не стало зеленых куполов, в голубом небе страшно торчали голые остовы. А- гул земли двойной: от разрывов и от тяжелого падения многолетних деревьев.

Налет оборвался так же вдруг, как начался. Надолго ли? И вдруг Соловков услышал над собой пенье птицы. Та, на единственной уцелевшей лиственной ветке клена сидела крохотная птица и пела, и не было в ее голосе ни испуга, ни удивления, а только радость жизни, радость песни о жизни.

«Где же ты пряталась, милая кроха? Слышу: не отпеваешь нас — нет в твоём щебете заgrabной печали...»

Взрывы мин спугнули птицу, она мелькнула в воздухе и словно сама превратилась в воздух. Соловков сжался в своем корытообразном убежище. Оглянув окоп, увидел в своих ногах свалившуюся к нему медсестру Гаю Мечтайло. Ее серые диковатые глаза казались бесстрашными и блеснули краткой улыбкой. И оба они, Соловков и Галя, плавали в густом масле, вытекающем из какой-то пробоины в танке.

Два снаряда один за другим разорвались поблизости от Соловкова. В правом ухе больно зазвенело, на левое оглох. Но звуковая волна все-таки ослабла, пройдя через кучу насыпанной земли, зато сверху всей тяжестью накрыла Гаю, лицо медсестры помертвело, голова откинулась на край окопа.

— К черту! — Соловков вскочил, встал чуть не по щиколотку в синеватом масле.— Слышать! Бросьте рыть! Бросьте копаться, черт вас возьми... жуки навозные! Пасочка! Политрук Никишин!

Крик яростный, но бодрый. Бойцы слышали его сквозь грохот взрывов и шум леса, высунули головы из ветвей. Командир взвода стоял во весь рост, масло сползло с него густыми мазками. И лица людей уже казались не бледными, а посветлевшими от смешливых улыбок.

Вот бы тебя сфотографировать! — крикнул политрук Никишин, на карачках выбираясь из-под танка.

Политрук, оставить двух — вынести раненых и сестру. Обомлела она. Остальным приготовиться! За мной!

Пасочка — Чернышев оперся руками о край щели, за ним из тесноты тел выпростался Антон Игнатьевич.

«Куда он поведет нас? — спрашивал каждый взгляд.— Опять в картофельную ботву? Но это — отход...»

— Гранаты к бою! — срывая голос, крикнул Соловков, чтобы все поняли: ведет вперед. Он не знал, что там ждет их за огненным валом и зеленым смерчем... Да, он поведет людей на прорыв, а это поднимало душу, освобождало от унижительного чувства покорности судьбе.

Еще поднимаясь, отрываясь от земли, кто ногтем, кто зубами оттягивали податливые, усики на запалах гранат.

Подняв автомат, Чернышев пропускал мимо себя своих бойцов, трещали под ногами ветки, что-то сверкнуло, оглушило, и все вокруг стало беззвучным. Крупно прошагал ротный старший лейтенант Ляшев, лицо серьезное, а глаза странно улыбочивые в этой грозной обстановке. Потом Чернышев увидел его падающим на пружинистый настил ветвей, но отвлекли внимание незнакомые бойцы,— должно быть, второй и

третьей роты...

Кто-то схватил Соловкова за голенище сапога, по вздутому лицу, заплывшим глазам узнал в лежащем Терезина

Что я тебе, поводишь?!

Ага.

Соловков рассмеялся, выхватил его из мелкого, как греб, окопчика, потянул за собой, вперед, вперед.

Он помнил, что на карте обозначено болото. Но попалась поляна, которую пересекала канава. В канаве кучей сидели немцы и ели. Обеденный час. Сидели, развалившись на траве под прикрытием своего огня, и Соловков догадался он с бойцами все же прорвался через тот страшный смерч из железа, дыма, зеленой листвы и ветвей.

Немцы и наши замерли, увидя друг друга. Жизнь и та и других зависела от быстроты: кто первый придет в себя. Немцы благодумствовали за жратвой и питьем, а их противники разгорячены бегом, тем, что очутились вне огневой завалы с гранатами наготове. Для немцев наступила их последняя минута. Густые разрывы не были слышны, казалось, немцы валялись замертво от какой-то падающей. Бойцы бежали дальше, утаптывая место обеда, хватая автоматы и пулеметы на длинных треногах. С разгона уткнулись в болото — по колени, по грудь, теплое, мягкое от тины. Соловков выбрался на островок под вислые ветви тесно; группы берез.

Живы! Весь батальон бултыхался в болоте, разбираясь наконец поротно. Радость не позволяла заняться подсчетом убитых. Из чащи вышел политрук Никишин, поманив рукой Соловкова. Тот перебрался к нему.

— Принимай роту, Григорич. Ротного — наповал в самом буреломе. Коми с ним и две маленькие сестренки.

Командовать ротой? — к этому Соловков и мысленно и готовился.

— Может, неопытнее кого?..

— Не Молочкова же? У того кисти да краски в голове. Вон, гляди!

Художник успел усесться в стороне от всех в тени кустов, уже что-то набрасывал в своем широком блокноте. Бойцы обнаружили кусты дикой смородины, забрались в нее, на суше собирались командиры, обсуждая положение батальона.

— А взводный Кондаков... Вообще, лучше ты, Григорич. — Никишин улыбнулся: — Всё у нас хорошо вышло! Захватили трех пленных.

Зыбкая земля вокруг болота подрагивала от густых разрывов на покинутой позиции.

Капитан Гостев остался за огненным валом, и связь с ним, разумеется, прервалась. Выходило, что он, Соловков, сейчас ответствен за весь батальон, на него и Никишина уже поглядывали остальные ротные и взводные, явно чего-то ждали от зачинщиков-отчаянного броска.

Откуда-то подошел ПНШ Мечтайло, выражение лица спокойное, но какое-то застывшее, глаза округлились. Все щегольское на нем помято, озеленено, сапоги изодраны и утратили прежний блеск. — Что решаете, болотные генералы?

Это он, ПНШ должен был подать им совет, но, к своему тайному стыду, чувствовал, сознавал свою беспомощность и невольно всю ответственность взваливал на этих двух командиров.

— Надо же иметь цель, если вот так прорываться...

Да, цель была,— подумал Соловков: спасти себя, людей, поверженных огнем противника и обреченных на гибель. Но и теперь надо действовать.

Пошлем донесение комбату. Пленных отведем,
Рискованно. Пока путь под огнем.

VI

Полковник Уклеев напомнил майору Бармитко по рации:

— За вами должок, Иван Архипович: огневые точки в лесу не подавлены. Нет продвижения батальонов. Почему бездействует ваш первый, не помогает атакующим?

Бармитко подумал: такой же вопрос-упрек комдив задает и другому командиру полка. Третий полк пока в резерве.

С первым батальоном связи у него не стало, связь эту внезапно потерял сам капитан Гостев. Батальон исчез. И майор решил:

— Надо блокировать дзоты на просеках, Степан Васильевич. Основными силами двигаться в глубь леса на Карманово.
— Дзоты и засады сдерживают, Иван Архипович, их надо подавить,— мягко, но упрямо держался своего плана Уклеев.

«Неужели этот боевой человек боится?..»

Из второго батальона пришел комиссар Шагунов, ветрепанный, исцарапанный ветками, спина и пола плащ палатки рваны, располосованы, в мазках уже потускнев шей, как ржавчина, крови: помогал медсестрам выносить раненых.
— Батальоны теряют людей, Иван Архипович.
— Вы же знаете о приказе комдива,— сердито отозвался майор.
— У вас есть свои соображения? — Шагунов уловил в голосе Бармитко прерванное раздумье. Достал из вещевого мешка кусок хлеба, банку шпротов, вскрыл перочинным ножом, стал есть.

Бармитко еле скрыл улыбку: наконец-то он видит своего старого комиссара за трапезой в разгар серьезного разговора и грозного дела. Голод не тетка, всех делает чело веками. Иван Архипович с охотой сказал ему о своем плане.
— Оставить огневые точки немцев у нас в тылу? Неподавленными?
— Блокировать. Мы уже можем позволить себе это роскошь, Николай Никитич.
— Рискованно. И...— фашистская тактика первого года войны. Гоже ли нам?

— Почему же немецкая, Николай Никитич? Это тактика вообще.

— Как, по-вашему: основные свои силы немцы отводят или уже отвели из леса?

— Отвели, иначе не исчез бы наш первый батальон

— Как «исчез»?!

Сказав «исчез», майор сам как бы прозрел: первый батальон прорвался через огневой вал и теперь где-то в тихой части леса. А расчет немцев — уничтожить русских побольше, и план их сбывается. Но батальон Гостева разрушает их замысел.

—Капитан Гостев у аппарата, товарищ майор! - вскрикнул радист.

—Спасибо, дорогой! — Бармитко спустился по земельным ступеням, приник к раструбу: — Слушаю, «Алтай»!

—Есть связь, Иван Архипович! Мои в укромном месте. Молодчаги! Лейтенант Соловков прислал донесение.

— Я опросил связных: Соловков поднял своих... они увлекли за собой остальные роты. Иначе бы нам —крышка.

Бармитко не прерывал небывалую словоохотливость Гостева. —Снимаюсь, спешу к своим ребятам,— с теплотой в голосе заключил комбат. —Погоди, хлопче. Каким путем идете? —Поведут следопыты: коми Сюрвасев и боец Терезин. — Сергей Васильевич, ждите людей. Они принесут приказ на дальнейшее.

Бармитко отвалился от рации на земляную ступеньку: странно вдруг ослабли ноги. Но поднялся пружинисто и словно вкатился вверх под печной свод к загнетке.

— Николай Никитич, посмотрим на карту. Не иначе хлопцы засели в этом болотце. Отсюда можно обойти дзоты на просеках, связаться с соседним полком и взять противника в клещи, а основными силами — к противоположной опушке, и — Карманово на виду.

Шагунов раздумывал, дожевывая свой нехитрый завтрак: майор Бармитко поставлен в сложное положение — лесной бой можно выиграть, нарушив приказ полковника Уклеева.

Комиссар поднялся. Хотелось сказать что-то дружеское своему командиру полка, такое, что бы еще больше расположило к взаимному доверию, но не нашелся, делал вид, что застегивается, проверяет, все ли пуговицы на гимнастерке в петлях. Конечно, он пойдет к болотцу. — Консервы замечательные... Жена положила, когда уходили с сыном. Мне и сыну по банке. Закусите тут. А отделенного Сюрвасева и его бедового напарника — на первый раз к медалям «За боевые заслуги». «А насчет лейтенанта Соловкова язык все-таки не повернулся,— улыбнулся Бармитко.— Недаром мне так близок сердцу этот батальон. Славные вы мои хлопцы! На вас надежда, поддержите меня! Эх, Уклеев!.. И винить нельзя, и не винить нельзя».

Шагунов успел спуститься на две ступени. Начальник политотдела дивизии Захар Игнатьевич Милёнков посмеивался, пролезая в самое развороченное брюхо русской печки:

— Умудряются же русские люди! — Он передохнул, облокотясь на загнетку.— Сие надо бы заснять нашим Фронтовым киношникам. Ей-богу, нет войны без чудинки!

Милёнков грузноват, но очень подвижен, на лобастом набор живых, хитроватых мужицких морщин.

— Спасибо, Иван Архипович, и вам Николай Никитич смело действуете. Но вот закавыка: и вы не выполним приказ комдива — не подавили дзоты на своем участке.

— Мы свои блокируем, И это слишком большое удовольствие: жертвуем одним батальоном. Живыми людьми товарищ старший батальонный комиссар! — прорвало майора Бармитко: лицо его, то краснело, то делалось пепельно-серым.— Но у нас хоть батальон — гибнет весь другой передовой полк.

— Комдив решил отвести его.

Бармитко задохнулся от волнения. В огневой котел - свежий полк! Для дивизии это катастрофа, а немцам - торжество. Иван Архипович вжал голову в плечи, слова свернулся, как еж в минуту опасности, небольшие глазки зло посверкивали в полумраке печного свода. Видя его таким подавленным и необщительным, начподив задумался: значит, не все командиры полков доверились полковниц Уклееву. Прямо Бармитко не высказался, но все его действия говорили о том.

Иван Архипович догадался, что Милёнков не собирается упрекать его.

— Немцы сразу додумаются, что мы им подставим еще один полк. Чуете? Они

даже обстрел прекратили.- Речь майора делалась все злее, желчнее. Он в упор смотрел на Милёнкова, словно внушая ему: «Да повлияйте же на Уклеева!»

— Вот какая новость, Иван Архипович...— задумчиво промолвил начальник политотдела.— К нам из штаба армии прибыл... не знаю,веряющий или специально нарочный командарма. Думаю, с какими-то особыми полномочиями.— Он легко поднялся.— Еду в штаб. И вы со мной, Николай Никитич.

Крепким рукопожатием Бармитко пожелал ему успеха. Потом сидел, облокотясь на кирпичную загнетку, вспоминал мать, суetyающуюся возле вот такой печки, ярко выбеленной, расписанной диковинными цветами и растениям каких нет в природе, но существуют в народном воображении — мечта о красоте; смазанные желтой глиной полы! зимой теплые, летом прохладные, дивно расшитые рушники на стенах...

И вот действительность: ни стен, ни рушников, а во круг печи — пепелища, сироты поля без хозяина, искрою санный, искалеченный лес. Низина вместе с лесом — гигантский котел: все там весь день бурлило, вскидывалось фонтанами и буграми земли, падали деревья, иссечены в крошево ветви —адское варево.

Но какие надежды в душе!

Бармитко достал из кармана перочинный ножик, взял недоеденный Шагуновым кусок хлеба.

- Полакомимся. Шпроты я люблю.

VII

Нарочный командарма, что прибыл под Карманово, полковник Елисеевский хоть и делал вид, что не обладает особыми полномочиями, но полковник Уклеев скоро почувствовал их.

Елисеевский и внешне был внушительным: огромного роста сибиряк лет под сорок пять, безус, хотя усы так и напрашивались на его крупное, сероглазое лицо.

Уклеев осел в лесной сторожке, где прежде жил страстный охотник-лесовод,- на стенах уцелели чучела пернатых, белок, барсуков; потом тут отдыхали от военных забот высокие командиры немецкой армии, им повнезли сюда диваны, кресла, подвесили старинную барскую керосиновую лампу; в сенцах в углу громоздился ларь, загруженный пустыми бутылками из-под вин с иностранными этикетками.

— На вашей полосе у немцев более-менее спокойно, и они позволяют себе контратаковать нас в районе Сычевки, наземно и с воздуха,— сказал Елисеевский.

- К вечеру очистим лес от заслонов и блиндажей, выйдем на исходное положение для штурма кармановских высот и самого городка. Уже есть успехи: полк майора Бармитко продвинулся километра на два. Дело за полком, который сменит потрепанный в утреннем бою.— Уклеев считал, что полк Бармитко начисто расправился со «своими» немцами и ждет, когда очистит остальную часть леса сосед слева.

- Прошу вас повременить с заменой полка свежими подразделениями, пока я не побываю в батальонах,— полупросьба, полусовет. Елисеевский внимательно вглядывался в карту с нанесенными на нее разгранлиниями и данными боевой обстановки. Он хорошо знал, что немцы лесов не любят, избегают превращать их в места сражений с применением массы войск,— используют лишь для обороны, для скрытных путей сообщения и чтобы создать из них ловушки для советских войск. Дивизия Уклеева попала в одну из таких ловушек.

— Как вы думаете, Захар Игнатьевич, не опасно полковнику пробраться в

передовые батальоны? — спросил комдив вошедшего начальника политотдела Милейнова.

— Опасно всюду.— Милёнков пытливо оглянул представительного нарочного командарма. На груди Уклеен поблескивал надраенный шинелью орден Красного Знамени, огромную выпуклую грудь Елисеевского награды не украшали.

Несловоохотливый Андрей Елисеевский в своей сознательной жизни больше обдумывал виденное и слышанное чем высказывался, таил свои симпатии и антипатии к таким иным командирам, к их теориям и практике. Елисеевский исполнял поручения. Он устал и от поручений, и в груза наблюдений, и в кампанию на Халхин-Голе пода рапорт о переводе в действующую армию. После боев японцами уже не вернулся на прежнее место. И вот ейча командующий армией послал Елисеевского в дивизии Уклеева навести порядок.

Детство и юность формируют характер. Отец был сурового, кондового нрава, четырех своих женатых сынов держал в узде, хозяйством правил властно, не дробил разделом. И не то чтобы он был скуп, но баловать сынов любил. Дочерей баловал: покупал им жамки, конфеты, полусапожки, ситцы; сынам же подарки — только на пи стольный праздник, и то, если в селе становилась ярмарка с каруселью.

— Девок жалеть надо, парни,— говаривал он,— они в горе рожденные.

На хозяйстве и главой семьи во время граждански войны из мужчин оставался мальчишка Андрейка. Доверенную ему отцом лошадь отняли колчаковцы, корову, телку, плуг и повозку запрятал с бабами в стога сена и смет соломы.

Первые на селе партизаны стали первыми колхозниц ми. Первых спалили кулаки.

Ослушался отца, не вернулся с действительной домой Андрей Елисеевский. Ослушался, не женясь на той, которую выбрал ему отец. Долго побаивался ехать на побывку на родину, показать родным жену-москвичку. Но то ли убыло норову у старика, то ли понял глава семьи — времена изменились, настала пора верховодить военными мирными делами новому поколению. Отец ни в чем уже не перечил сынам, даже тогда, когда те обзавелись своими домами, а их, стариков, оставили в покое. Хозяйству такой распад семьи уже не грозил обнищанием. И не так уж плоха жизнь порознь, не кучно.

Но и теперь старики пригодились сынам, особенно младшему: Андрей Тихонович отправил из из Москвы своих детей — жена Елисеевского тоже была военнообязанная.

Вели полковника и его спутников все те же следопыты коми Сюрвасев и Терезин.

— А я в рубашке родился, товарищи командиры,— весело рассказывал Терезин.— Легко так появился на свет божий! Сходила мамка к обедне, после обеда пошла в пуньку поспать... Кличут ее чай пить, а она уже со мной.

Жесткие морщины по углам рта Шагунова разгладились. Парнишка и не думал, что совершает подвиг, как некогда на Перекопском валу не мыслил о себе Николай Никитич. Если сейчас сказать Терезину, что медаль «За боевые заслуги» ему обеспечена, удивится, не поймет — за что? Почему-то людям привили понятие о героизме как неслыханной отваге.

Попался родник, обложенный камнями, из него вытекла светлая игривая струя, образуя ручей, скрытый раakitником и огромным дубом с искривленными мощными суками, и пахло от него лавром. Тут встретились с группой красноармейцев, они конвоировали в штаб двух пленных. Земцы затравленно смотрели на огромного

советского полковника, сам вид которого грозен в лесной чашобе.

— Откуда, ребята?

— Оттуда, товарищ полковник,— многозначительно, весело отозвался бородатенький боец Улыбин из роты Соловкова.

— Добрая добыча! Кстати. Значит, воюем?

— А как же, товарищ полковник! Факт налицо: первые пленные, целых три! Первого батальона, первой роты.

— А где же третий?

Бородатенький испуганно взглянул на старшего, Чернышова, тот неодобрительно шевельнул кустистыми бровями и дыхнул в усы: проговорился-таки боец!

—Эх, начал обедню, кончать надо, товарищ сержант. Наши командиры посовещались... Отпустят третьего Фрица, товарищ полковник.

- Зачем? Куда? — Беседа становилась все занятнее. По всему бойцы одобряли решение своих командиров,— загадочно ухмылялись.

А чтоб от нас агитатором по ихним же дзотам и засадам,— заговорил и Чернышев.— Все, мол, мы окружены.

— Значит, выходит, руки кверху и пойте «белый платочек»! — рассмеялся Терезин.

— И то сказать, товарищ полковник, зачем безтолку кровь лить? — рассудительно продолжал Чернышев, стараясь не смотреть на строгого, нахмуренного комисса Шагунова.— Хоть и немцы, а все на двух ногах ходят и семьи у них, детишки. Им — спасение жизни и встреча; родней после войны, а нам — прибыль, руки дивизии развяжут.

«Неужели у них нет злости на немцев? Или я не т понял этих хитроумников?» — Слова их о том, что немцы люди, покоробили полковника: не ко времени этокое ура пение. И все же старший конвоир рассуждал расчетливо, выходило — и с таким подходом к врагу можно воевать.

— И в мирной жизни вы такой же мыслитель?

— Бывало, товарищ полковник, потому и человек, мыслительный.

Шагунов сжимал губы, чтобы не оборвать этого рощенного философа, ко всему при обязанностях парторга роты.

— Вассер, вассер...— запросили пленные, глядя на ребристый источник и облизывая потресканные губы.

— Валяйте уж! — махнул рукой сержант Чернышов уже злобно в сторону припавших к земле серо-зелень тел: — Наших небось свинцом поите...

Ручей привел полковника Елисеевского и его спутников к цели. Лес вошел в болото. Путаясь в нитяной тине подводной траве, бойцы лакомились на зыбучих остроках черной смородиной и малиной. Спокойно тут, вроде и спешить некуда, только и опасности — зудящий немецкий самолет-наблюдатель, мелькающий далеко за крона деревьев. Когда он проплывал над болотом, одни бойцы погружались по уши в зеленую пузырящуюся воду, покрывая головы мокрой тиной и водорослями, а те, что суше, прятались под кусты орешника и густо алой бузиной.

Соловков еще в мокрой тине, маскируясь под ма ность, доложил пришедшим, в каком положении батальон.

— Добро, товарищи командиры,— сказал полковник, махнув рукой, чтобы все

сели. Отломил ветку орешника стал отмахиваться от болотной мошкары и комаров, отлеживаться тут у лукоморья не думаете?

— Положение дивизии нам ясно, товарищ полковник. Торчать здесь не собираемся.

Вой снарядов и мин над головами прервал разговор, поди очутились под незримым сводом летящего металла, гулкие помноженные эхом взрывы накатили сюда с передовой и рассосались в нетронутой чаще. Все неподвижно смотрели вверх в темнеющее голубое небо, словно наблюдали за полетом мин и снарядов.

И снова наступила влажная, паркая тишина, но дышалось лесными запахами легко.

Полковник думал: он, Елисеевский, в ответе за каждого бойца, за каждый просроченный час.

VIII

— Побывал в ваших батальонах и на болоте,— говорил нарочный командарма, еле угнездив свое огромное тело в развороченной изнутри печной утробе.— Но, как говорится,— промедление смерти подобно.

Полковник Елисеевский сказал это, не выпуская тугую, небольшую ладонь майора Бармитко. Тот почувствовал его расположение, ответил в его деловом тоне:

— Солнце к земле клонится, лесная тень уже к моей течке подобралась. Люди пойдут с охотой, закисли там, на золоте. И вообще... вы чувствуете их порыв, Андрей Тихонович? И всем нам тошно от потерь.

— Иван Архипович, берите на себя ночную атаку пригорода Карманова: с левого фланга противника можно ему угрожать — отрезать от леса выход из мешка. В помощь бойцам батальон пехоты. Будут танки. Десантники — ваши люди.

«С большими полномочиями прибыл к нам поверяющий. Что это, недоверие нашему комдиву, а нам — ждать перемен? Дошло ли это до сознания полковника Уклеева? Ведь Елисеевский поставит его перед совершившимся фактом...» — делал свои выводы Иван Архипович, радовался: перемены в дивизии неизбежны.

Капитан Гостев разрешил ротам съесть из НЗ часть продуктов. Сухари бойцы мочили в болоте, кто побрезговали - все сходили по воду к роднику. Рота Соловкова не была из брезгливых, особенно коми охотники, но сам он грыз ржаной сухарь, аж эхо звенело в ушах: любил его аромат, а вода запах убивала. Правильно решил комбат: от дневного поста и болотной черной смородины подташнивало.

В сумерках тронулись на немецкие засады. Комиссар полка посоветовал представителю штаба ПНШ Мечтайло идти с передовой первой ротой.

В лесу сумерки с прозеленью, с сахарным запахом берез, терпкостью дубов, сыроватым ароматом ольхи. Люди входили в зоны этих запахов, проникаясь очарованием леса силой его жизни. Налеты немецких батарей стали резке видимо, противник был уверен, что советские войска все продвигаются, но за полком Бармитко в тот же пролом передовой уже проходил свежий полк, он замкнет окружение.

— А что, лейтенант, так воевать можно!

Рядом с Соловковым шагал Мечтайло. Он был доволен что находится в первом батальоне, пережил сумасшедший бросок первой роты. Не терпелось сказать этому

ротному, что-то похвальное. Так и понял его Соловков.

«Наверное, думает, что я героизм проявил...» — Сам он путался в определении своего отчаянного поступка в мгновение: не отдавать же было себя и бойцов на растерзание немецким снарядам!

— Немцы избивали нас...— сердито возразил он. В окопчике со мной лежала медсестра по фамилии тоже Мечтайло. Галя. Контузило. Однофамилица или родня?

— Дальняя теперь! — резко оборвал нежелательную тему ПНШ.— Однако стемнело.— И отошел в полумрак деревьев.

Они продолжали обходить поляны: на них еще заглядывало ясноватое небо, озаренное в глубине уходящими отсветами солнца.

Подбежал дозорный Терезин:

— Немцы уходят!

— Первый взвод, за мной! Другим остаться! Пулеметчики! — вскричал Соловков как перед броском через огненный вал, но уже не из отчаяния обреченного. Вспомнил, что его взвод без командира.— Нюхарев! Командовать первым.

Четыре ручных пулемета обезьянками сидели на плечах первых номеров. По команде они сорвали с плеч сошники-лапы. У вторых номеров в мешках погромыхивали тиски. Бойцы врассыпную обтекали деревья. Вырвались на опушку через гушину орешника и душной бузины.

Впереди простиралось высокое от травы поле, одичала вросшее. Оно чуть шло на скат, дальше по хребту вышины проглядывалась на звездном экране неба гряда домов без огней, без белесой колокольни, хотя церковь па карте значилась.

В высокой темной траве немцы толпой словно плыли вниз как подвижные мишени.

Соловков ринулся с опушки в траву, как в воду. После минутного нешумливого бега наткнулись на глыбистые каменные развалины, заросшие бурьяном и мелким кустарником. Пулеметчики залегли на них повыше.

— Приготовиться! — Соловков присмотрелся: на взгляд не меньше сотни, шли кучно, немецкая гортанная речь казалась перебранкой. Он махнул рукой, прижался к расщелине камней.— До земли косите, а то расползутся, как раки.

Грохот пулеметных очередей откатился в лес, зарылся эхом в чащу. Там, где только что веселой толпой шли немцы, предвкушая безопасный отдых в Карманове, смутно виднелось кипение травы. Лишь отдельные фигуры скоком выходили из-под обстрела. Звенели, как порожные банки, брошенные на камни пустые диски.

Из города с самой гривастой высоты зачастила мелкокалиберная пушка, снаряды визгливо падали вблизи развалин. Пулеметчики не остановились, за густой пальбой своих пулеметов они не слышали взрывов. Меткий снаряд разорвался на самих руинах. Один пулемет смолк. Соловкова оглушило, рой осколков фыркнул над ним.

— Хватит! Назад, в лес, ребята! Раненые есть? Раненых не было — двое убитых.

«Вот уже теряю людей... А каково командирам разбитого полка?..» — Он пришел бы в отчаяние на их месте. Малый урон не утешил Соловкова, понуро плелся за бойцами, которые несли убитых и осиротевший пулемет. По опушке шумливо распределялись батальоны, слышался возбужденный говор:

— Братцы, Карманово — рукой подать!

Надо старшине гукнуть: с него по чарке полагается.

— Окопаться, окопаться, товарищи бойцы! — весело покрикивал политрук Никишин.

Шагуиов переходил от взвода к взводу, его узнавали в темноте леса по длинной и сухой, как жердь, фигуре, по Широкому шагу. Подойдя на голос Соловкова, он сказал:

— Лейтенант, пошлите к тому месту людей. Может, есть раненые — всё «язык», найдутся документы, карты,

Скоро группа Нюхарева и Сюрвасева вернулась, нагруженная автоматами, пулеметами, квадратными, туго набитыми ранцами, с оттопыренными от бумаг карманами Все это ворохом сложили перед комиссаром.

— Раненых нету,— доложил Чернышев.— Кучами в ляются. Трава посечена аж до земли.

— Сколько убитых?

— Не считали. Не привыкли к такой бухгалтерии, сказал Нюхарев.— Человек восемьдесят есть.

— «Человек...» — брезгливо усмехнулся Шагунов. Чернышев не упустил случая пофилософствовать:

— Так если бы не люди — не поубивали бы, товарищ комиссар.

«Поди как рассудил... Воистину: мудрость народа - душа народа». А ему сказал:

— У лукоморья наслушался твоей философии.— Я Шагунов все-таки был доволен. Однако сам и испорчу удачный конец тяжелого дня. Заметил, что бойцы Соловкова чем-то делятся друг с другом, даже ПНШ Мечтайло втиснулся к ним, присмотрелся. Часы.

— Лейтенант Соловков, построить роту! — И когда построились, Шагунов пошел вдоль шеренги, приказывал:

— Сдать трофеи!

Бойцы застыли, как по команде «смирно», никто и шевельнулся.

— Старшина!

Денисов только что доставил в повозке бачки с первым и вторым, мешки с хлебом, сам был увешан по всем ремню фляжками и узелками. Он недовольно качнула туда-сюда, хрипловато задышал, но снял с себя пилотку, пошел за комиссаром, складывая в нее часы.

— Сам отцепляй, старшина! — вызывающе возрази злой голос.

— Разговорчики, Анашкин! — Денисов повозился с рукой, надернул на часы рукав гимнастерки, шепнул: Пользуйся моей простотой.

Пилотка тяжелела. Соловков стоял с Чернышевым, насмешливо думая: не ко времени блюдет мораль комиссар, бойцам часы — памятка о первом бое и утеха: началась смена, смешливый торг.

Чернышев тоже был не согласен с решением комиссара полка, но не осуждал: тот хранит традиции Красной Армии. По общему молчанию роты Шагунов вдруг усомнился: что-то не учел, получилось нескладно... Как бы ДЧ оправдания своего приказа негромко, но внятно сказал:

— Не к лицу красноармейцу мародерство.

— В военторг сдадите, ой как разбогатеет государство - хмыкнул Терезин, бубня все еще раздутыми губами.

Денисов высыпал на траву часы, надел пилотку набекрень.

— Помкомвзводы, выделить людей за обедом-ужином! И за горючим, — последнее слово сказал не просто, а провозгласил.

Бойцы забегали, празднично зашумела опушка. Шагунов остался один, в траве у ног блестела груда часов. И в самом деле, все забыли и про него, и про отобранные часы.

Старшина передал Соловкову его офицерский паек и пачку писем, пятнадцать из них адресованы раненым, уже отправленным в медсанбат бойцам, и убитым, о которых теперь ему писать их родным и близким. Грустная и тяжкая обязанность командира и политрука. А впереди — ночной бой за Карманово, за речку Гжать.

— О чем задумался, друже? — окликнул его Гармаш, положив ладонь на плечо Соловкова.

— Вот...— как бы взвесил он пачку писем на ладони. Гармаш не понял. Его волновало другое.

— Я назначен, Матвей, старшим в ночной атаке. Твоя рота тоже в моем подчинении. Сейчас подойдет приданный нам батальон. Танки с десантниками обеспечат действия основной группы. Я еду с танками, ты ведешь основную.

— Постой, постой! — Соловков запрятав письма в дерматиновую сумку.— Тебя назначили старшим над нами. Главное — атака с фронта. Я оседлаю со своими танки.

— Приказываю сейчас я! — Гармаш строго цокнул задниками сапог.

Соловков пожал плечами.

— Не спорь. Про тебя и так много говорят в дивизии. Новый комдив жаловал нас этим- заданием. Тебе присвоено звание старшего лейтенанта. Прицепи третий кубик...

— Новый комдив?!

— Ну, друг-однокашник, зарылся ты в своей роте. Впрочем, полковника Уклеева не виню: старая школа изживает себя боями. Воевать надо, как наш Бармитко. И полковник Елисеевский оценил это. Только зря забрал его себе помощником по строевой.

— А нам кого полковым? — Последняя новость растроила Соловкова.

— Поздравь бывшего капитана Гостева с повышением и в должности.

— Ты — сумка полная новостей! Выкладывай до дна, комбатом к нам кого?

— Какой-то капитан Батченко. Участник боев от самой границы и под Москвой. К нам из госпиталя.

— С такими новостями воевать можно!

— Вот на груди у нас еще не позвякивает, Матвей... Выручай, товарищ, Карманово! — в голосе Гармаша послышалась страстная нотка.

Во всех взводах гремели кружки, но Денисов медлил снимать с себя фляжки.

— Может, после ночного похода, ребята? С победой выпили бы, с придыханием мямлил он. Бойцы недовольно загалдели, заговорили.

— Плу-у-ут,— посмеивался старый солдат Антон Игнатьевич.— Слышал, Чернышев? Стреляных воробьев хочет на мякине обмануть.

Соловков не понял смысла оживленного протеста бойцов. Младший сержант Нюхарев уже обхаживал старшину, отстегивая с его ремня пахучие фляжки.

— Был у нас такой хитрюга,— не зло, скорее добродушно посмеивался Чернышев.— Всегда он запаздывал поднести перед боем. Себе на уме: вчерашняя строевая всю роту, скажем, на восемьдесят штыков, как сейчас к примеру, а после боя,

глядишь, останется нас полета, то и того меньше. И выходило — почти по две пайки вояки на живого, себе с немалым походом. А он, старшина-т и раненых успеет сплавить в санроту до раздачи горюче го... Дипломатию надо иметь, Денисов, тонкость понимать Не бей в колокол, не заглянув в святцы.

Нод ногами задрожала земля, трещали кусты, донес лось вкрадчивое постукивание моторов на тихом ходу. К Соловкову подошел младший лейтенант Кондаков, маленький сибиряк, тихий, неразговорчивый. В Сибири жили порознь, так и не сблизилась.

«Взвод лейтенанта Молочкова оставлю здесь»,— решил Соловков. Ему не хотелось рисковать художником, раз есть возможность: в помощь обещан батальон и по уставу роте полагается иметь резерв.

Черными отесанными глыбами выдвинулись к опушке четыре танка, еще подневному убранные березовым ветками. Бойцы сбросили маскировку, полезли на брони как на русскую печку. Из люков выбрались танкисты, вес в черном, с волнистыми шлемами, они гостеприимно, по хозяйски указывали самые удобные места для пулеметчиков, поучали, как надежнее держаться на броне.

Кондаков тянул за руку к себе маленькую медсестру Тосю, а рядом стояла ее родная сестра Рая, просила:

— Может, останешься с нами, Гося? Вместе бы... Что ж ты порознь решила?..

Рая не понимала, почему так настойчивы сестра и Сергей Кондаков. Соловков уже чутьем угадывал причину желания маленького сибиряка и его маленькой подружки быть вместе в бою...

IX

Расстроенный переменами в полку и дивизии, Шагунов отводил душу в разговорах с бойцами и Никишиным.

— Пригород взять, политрук. Сближение с фашистами натихую. За все ты в ответе. Сойдетесь врукопашную— орите хоть до хрипоты.

— Да, да! — подхватил Гармаш, стоя в стороне с Соловковым.— В пригороде появись как из-под земли, как снег на голову немчуре.

«Натихую. — усмехнулся Соловков.— А танки с десанниками на броне — они что, ночные птицы?»

Но ворваться в поселок молчком, потом ошеломить противника удалым «ура»... Еще от отца-фронтовика Соловков знал, что атака — это шумный набег, вид боя, не изменившийся со времен печенегов и половцев.

Каждая атака неповторима, и сейчас их ждет что-то иное,— предчувствовал Соловков. Знать бы что. А быть может, вовсе не надо готовиться? Необходима лишь цель, а как ее достичь, укажут вдохновение, порыв души — они тоже обладают точностью. Такое он уже пережил.

Гармаш стиснул ладонь Соловкова, полез на броню. К сдержанному гомону вокруг машин прибавился густой топот множества ног: подошел обещанный полковником Елисеевским батальон.

— Кто старший? — вперед выступил командир. Соловков не сразу разглядел на воротнике его шпалу.

— Рассредоточьтесь, товарищ капитан, выводите за танками людей в поле.

С опушки танки вышли так же тихо, постукивали вкрадчиво моторы...

Все дивизионные события противоречили желанию Шагунова: снят однокашник по гражданской войне Уклева его место занял сравнительно молодой полковник Елисеевский, на полк — Гостев, тоже не в годах и малознакомый; в штурмовой группе самостоятельность: не начальник оперативного отдела Гармаш руководит атакой с фронта! как условились в штабе полка, а Соловков. Впрочем, я этом ротном что-то есть. А где находится ПНШ Мечтайло? Ему надо бы поручить контроль за всеми.

Комиссар стоял на опушке и ждал. И вот странный звук донесся из темноты — не то плач, не то протяжный! запев. И вдруг отчетливо и певуче.

— Ура-а-а-а! — выкрикнул Терезин. Своя и людская молчаливость угнетала веселого бойца.

Соловков вздрогнул, раскрыл рот, чтобы прикрикнуть на нарушителя приказной тишины, но уже плыло и усиливалось хоровое «ура», и сам он, захваченный общим порывом воодушевления ночной атаки, отважным риском, — сам он тоже закричал «ура».

— Командиры, что же вы делаете?! — панически, но тоже во весь зычный голос крикнул политрук Никишин, мечась в разреженном потоке атакующих.

Соловков перехватил свой рот ладонью, крик оборвался, но люди бежали вперед, надо дышать во все легкие размахивать для облегчения руками, и он снова кричал с ними ура.

И тишины ночи уже не стало: под Кармановом гремели орудийные выстрелы с атакующих танков, с кармановских высот зачастили мелкокалиберные пушки, пронзая теми толстыми огненными трассами. Они скрещивались, меняя направления. На окраине города взвился искристый куга огня, одна трасса оборвалась, а след ее еще плыл над полем, как след от сгоревшего метеорита. Там же т взгорье вспыхнуло другая пламя, озарив контуры еще бегущего танка.

— Ребята-а-а, вперед! — уже зычно призывал Никишин.

Людей не охладила и высокая спираль Бруно в стой, тугой траве, бойцы цеплялись за нее, разрывали гимнастерки, оставляли висеть пилотки и проносились в змеиных извивах колючей проволоки, подобно морской волне.

Из темноты выпростались крыши поселка. На той краю ударил из орудия танк, снаряд угодил в избу. Бревенчатая, она ухнула, как пустая бочка. Постепенно порядок озарился, светом пожара. Впереди уже рвались трескучие гранаты Ф-1 — пошла в ход карманная артиллерия. Звенели стекла, в щепы разлетались рамы, из окон и дверей вываливались немцы в белье и наспех одетые валялись, пораженные осколками, уцелевшие бежали к светлевшему полю ржи под черной стеной леса. В конце поселка сновал туда-сюда немецкий танк, показывая то один крест на боку, то другой. Дальше желтела рожь, куда ползли и бежали немцы, а по хлебу плыли три танковые башни, на броне маячили красноармейцы, взмахивая руками, чертиками спрыгивали в рожь навстречу бегущим в панике немцам.

Соловков с толпой связных обегал дома через огороды и вдруг свалился в какую-то яму, но не расшибся: оказался в погребке, набитом постелями, перинами, подушками. Горела керосиновая лампа. Всюду сидели дети, женщины, старики и девчата — все молча смотрели на его пилотку с красной звездочкой.

— Здрасте, советские люди!

И сразу же Соловкова спеленали, оплели ихние руки: старческие жилистые, прохладные девичьи, вовсе юные, детские, нежные—все одинаково сильные; голосили и причитали старухи:

— Родимые! Не покинули нас...

— Пасочка! — кричал Соловков, пытаясь выпутаться из этих рук: запали-таки в память слова Чернышева о том, что прозвище скорее доходит до сознания. Усатое лицо склонилось в люке: — Пасочка, в поле горит наш танк, пошлите узнать, что там. Немецкий танк мечется — и тут ему страшно, и в рожь боязно. Остановите.

Пожар мог перекинуться на соседние избы. Гражданские выбрались из своих убежищ, принялись выносить из домов на огороды утварь. Одна женщина стояла между горящей и целой избами с иконой, но ветра не было, толстый жгут пламени и багрового дыма поднимался в темное небо.

Соловков наконец выбрался из подвала, внизу остались малые детишки и старухи. К нему стали сходить командиры узнать, что делать дальше. Немецкий танк уже неподвижно стоял в середине порядка, одна гусеница половиком распласталась на дороге. Чьи-то бойцы — Соловкова или приданного батальона — весело подталкивали двух пленных танкистов и скоро скрылись в тени в восточной стороне.

«Сейчас «язык» вот как нужен!» — радовался Соловков. - Он считал, что задачу выполнили: поселок взят, левый фланг немцев под ударом.

— Окопаться в огородах и садах в сторону Карманова и ржаного поля.

светло от двух каганцов из-под снарядов и шумно. Туя похоже, праздновали слишком дорогую удачу: гремели кружки и ложки, подземные запахи вытеснила свежесть водочного духа.

— Чьи? — спросил Соловков, остановясь на пороге одного знакомого лица.— Я разыскиваю штаб майора Бармитко.

— Откуда такой закопченный? — раздался из дымившего табачного тупика возглас ПНШ Мечтайло.

— Из-под Карманова.

— А солдаты твои где, командир? — Лица тоже туманились, и ПНШ еще не узнавал в запыленном, одымленном пожарищем Соловкова.

— Мне надо связаться со штабом,— уклонился ротный от ответа.

— Бойцов оставил? Я бы такого командира расстрелял...— Хмелен был Мечтайло, и при этих его словах шумное застолье не прерывалось.

— А бармиткинцы молодцы!

— И нас увлекли за собой, как вихрь...

Лесная тьма поглотила Соловкова. Нет, он не испугался, но мгновенно понял: вот откуда его беспокойство — ведь только он ротный ответчик там за всю дивизию, а приданный ему батальон всего лишь, как говорят в народе, пришей, пристегни, отпори да брось.

Мечтайло присмотрелся к дверному проему. Пусто или в хмеле почудилось? Кто был? Он выбежал наружу, свежесть леса прояснила память:

— Соловков!

Тот мог и не отозваться, исчезнуть в темноте среди кустов, но после пережитых атак это было бы трусостью, никогда бы себе не простил ее. Он круто повернулся, подошел к Мечтайло.

— Я вынужден донести, старший лейтенант. Мой долг.

— И, кстати, ваш долг, ПНШ, доложить в штабе: боевое задание выполнено. Что делать дальше? У меня мало; людей, приданный батальон могут отозвать. Гармаш ранен, его унесли.

Рубленные фразы ротного рассеяли хмельный туман, мысль Мечтайло заработала четко: он — представитель штаба полка — без подсказки Соловкова должен знать о; положении первой роты. Комиссар Шагунов, уходя, поручил ему наблюдать за ночной операцией... А он на радостях празднует удачу своего полка. Какая удача — столько потерь в дивизии!

Соловков уже скрылся в чаще, слышались его затихающие шаги, шелест ветвей. Мечтайло стоял и думал: всегда ему хотелось быть аккуратным службистом, строго держаться своих обязанностей помощника начальника штаба. Надо бы идти к майору Гостеву, рапортовать обо всем как есть. Но... может быть, действительно победителей не судят, а Соловков отличился дважды...

Ничего не решив, Мечтайло вернулся в землянку соседнего полка.

По темной окраине Карманова смутно взвились к высокому горизонту черные тучи земли и дыма, задрожала земля от взрывов снарядов, зарево канонады озаряло окраину города, а может быть, заря разгоралась. Донеслось певучее «ура», на взгорье поднялась живая россыпь бойцов, еще по-темному подползших ближе к окраине. Соловков побежал вниз, почти наугад. Навстречу показалась группа красноармейцев. Соловков узнал высокого, тонкотелого Сюрвасева, за ним гуськом шли остальные коми, потом над травой замаячила голова усатого Чернышева.

— Где приданный батальон?

— Капитан увел своих,— сказал взводный Нюхарев и хозяйственным тоном добавил: — Знать, обмозговал: сохранить своих поболее. А за нашу дивизию он не болеет.

Чернышев молчал, задумчиво смотрел на ротного. «Порицает он меня?..» — этот вопрос казался Соловкову неразрешимым.

Х

Впереди — темное поле, вдали в вышине, в окружении звезд смутно белела колокольня, мерцали звезды в проемах.

Командиры рот и взводов стояли в кустах вокруг нового комбата капитана Батченко, все рядом с ним казались малорослыми.

— Приданные пушкари, церковь пощадите,— погудывал его голос над всеми.— Древних зодчих сооружение. В свою древность место сие было крепостью на страже Руси. Ни нынешние, ни древние архитекторы не простят нам порушки. Натансон, храм — ваш объект. Соловков! Кто ротный Соловков?

Тот стоял чуть не под мышкой комбата.

— Вы у нас мастак насчет ночных атак — вам и карты в руки.

Соловков улыбнулся: любая солдатская пересмешка отдушина от угарного страха и недобрых предчувствий.

— Пора, царица полей! — еще раз гукнул капитан вдруг весело, ладно запел:

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону.

Смеясь, Соловков и его бойцы сразу с опушки окунулись чуть не с головой в какую-то легкую, ломкую заросль. Каски зазвенели от спелых зерен, они остро жалили лицо.

— Глаза берегите! — И тут же в рот Соловкову залетели два продолговатых, остреньких, как иглы, зерна. Он разжевал, мучка с кислинкой.

«Овсяный кисель — русский деликатес.— В деревне у деда на Орловщине ел его на конопляном масле.— А с молоком еще лучше. После войны поеду к своему долговечному старику... Да, вот так — идут со мной люди в бой тоже хранят какую-то мечту впрок. О жизни думаем. Не просто думаем — представляем себя в ней всяк по-своему».

Еще по карте капитан Батченко наметил место для своего КП на опушке леса, широко шагнул влево в поле но задержал ПНШ Мечтайло:

— В распоряжении ротного Соловкова был приданный батальон, но он упустил его под Кармановом. Сей час бы...

— Плохой вы патриот своей части, старший лейтенант если полагаетесь больше на приданные подразделения. Слово в набат бил твердыми словами комбат.— Брать три деревушки перед Гжатью вам нужен полк? Смех коровам!

— В дивизии большие потери...— буркнул Мечтайло смущенный насмешкой Батченко, огляделся: не слышат ли связисты? Те шумливо толпой шли по ломкому овсу.

— Об этом надо бы помолчать, ПНШ. Сама себя раб' бьет, что нечисто жнет. Идете со мной?

— Нет. Мне... за Гжать для связи с соседним полком.

— Как знаете...

Мечтайло передохнул, пожал плечами: в отсутствие патриотизма своей части надо бы упрекать Соловкова, получилось — палка о двух концах. Контакт с этим комбатом не найден.

— Скороспелый патриот. — И Мечтайло зашагал к крутому излому речки Гжати за овсяным полем.

Слева уже изливался шум и лязг танков. В проеме белесой колокольни мерцали звезды, и Соловков шел на этот многоглазый маяк. Шагалось тяжело, как в потоке воды. Взвод Молочкова толпой ломился на лязг танков, дальше дискантом подбадривал своих бойцов рослый Сюрвасев на слух казался таким же маленьким, как его предшественник взводный Сергей Кондаков.

На крутом изгибе речки в ротном медпункте осталась одна медсестра, высокая, плечистая сибирячка Паша, та, что была ранена в живот и уцелела. Галя и конопатенькая Рая продолжали идти с бойцами. Похоже, Галя прокладывала путь в густом рослом овсе своей горестной напарнице, похоронившей сестру под Кармановом; обессиленная от горя, она вряд ли пробилась бы одна через поле.

На низкой звездной россыпи отпечатались плоские треугольники крыш. За ними ударили первые выстрелы с танков, вспышки разрывов выхватывали из темени прозелень садов. Пусто, гулко ухали бревенчатые избы. С окраины деревни взвилась ракета, бело полыхнула в выси, хлестко стебанула по овсяному полю первая трасса от самой церкви, откуда-то снизу, похоже из-под паперти.

И как в прошлую ночную атаку, бойцы протяжным криком подхватили шум боя. Еще один глубокий вдох, еще одно протяжное «ура», и рота очутилась бы возле Церкви, но кончилось овсяное поле, начался голый луг, и «ура» пошло на спад, как шум мельничной воды, перехваченной заставой, когда кончается зерно.

Соловков принудил себя перешагнуть край овсяного поля, пробежал несколько шагов. Сильная боль в правом паху сшибла его наземь, что-то звонко лопнуло, как над самым ухом, оглушило. Нога онемела. А деревня так была близка...

— Ранен! Эх... Как же рота теперь? — И закричал не от боли — от отчаяния: — Сестра-а-а!

И тут же вспомнил слова покойного отца: «Когда ранит, не сразу больно». Соловков ощупал пах. Штанина вырвана вместе с карманом, под пальцами действительно сухо. Расстегнув ремень, рывком сдернул штанину: на паху растекался, как чернильная клякса на чистом листе тетрадки, большой синяк.

«Разрывная шибанула.— Соловков вскочил в подскок — опять в овес.— Хорош был бы, забери пуля чуть левее...» — Счастливое чувство удачи стирало сознаний опасности впереди.

Перегоняя ротного, бойцы взглядывали на его растерзанную штанину, догадливо подмигивали.

— Жинке вашей пощастило! — крикнул Терезин. Юркий поневоле, он не бежал по прямой — зигзагами, зигзагами. Нагнал длинноногого Спасибенко, крикнул: — Федька, ты мне полвосьмушки табаку должен! Не забудь! — и свалился — сначала на колени, потом, будто озорничая, перевернулся через голову — так в мальчишеские годы забавлялся он с дружками. Следом бегущий, горбатый с битком набитого вещмешка, испуганно повернул назад; на него налетел отделенный Баядиль, растопырил кривоватые ноги, сбил отступающего наземь.

— Назад бежал — позор взял! За мной, за мной! Схватив бойца за поясной ремень, поднял, как овцу за шерсть, кинул в сторону деревни, тот упал на четвереньки, оттолкнулся от земли руками, побежал впереди отделенного.

На Соловкова набежали Галя и Рая.

— Ранены, товарищ старший лейтенант? — Галя опустила перед ним па колени, одной рукой начала отстегивать сумку с потускневшим от дождей и солнца красным крестом, другой притронулась к паху ротного.

— Нет! В Прилепы, Галя! — схватился он за разорванную штанину, сминая в горсти лохмотья.— Я дошкандыляю.

Терезина перевязывала Рая. Рана оказалась неудобной — плечевая; девушка работала, стоя па коленях. Соловков, прихрамывая и вприпрыжку, пригибаясь, нырнув в звонкий зернистый овес к своим связистам и приданным артиллеристам: он все время забывал, что теперь ротный, рыжебородый молодой ефрейтор Выжанов уже воткнул заземление, вызывал позывные комбата Батченко, связист Натансона — огневую своей батареи. Подошел весь мокрый Мечтайло — он уже побывал за Гжатью у соседей, косо

глянул на Галю. Она нахмурилась, стройно, не пригибаясь, пошла по овсу, обходя опасный луг, к задам деревни.

— Надо брать церковь, Соловков,— тяжело выдохну! ПНШ, провожая взглядом Галю.— И соседям за Гжатыю от обстрелов немцев нет хода. Натансон!

— Снарядов мало.

— Когда же ты успел расшвырять их? — горячился Мечтайло.

— А разве рота взяла Прилепы и Никольское одними танками и штыками, без бога войны? И запомни, старший лейтенант, наказ комбата Батченко: «История архитектуры заклеит нас за норушку старинного храма».

— Заклеит фашистов. Вам тоже надо помнить про пух своих солдат...— это уже камешек в огород ротного Соловкова.

Вихляя по земле длинным телом, ужом подполз Сюрвасев, доложил: первый и второй взводы заняли обе деревни, есть потери, разбиты два станковых пулемета, один старый танк подбит, танкисты вытянули его с поля «тридцатьчетверками» в сады, ждут ротного.

— Мое отделение тут. - Жуете?

— Жую, товарищ старший лейтенант! — Сюрвасев рассмеялся, перебрасывая языком комок сосновой смолы с одной стороны рта на другую.

— А почему в школе никого нет? — недоумевал Мечтайло, разглядывая в бинокль сквозь поредевший овес раковую рощу и бревенчатое большое здание между церковью и Прилепами. Оттуда вообще не стреляли, и Соловков словно впервые увидел и раковую рощу, и само здание школы.

— Там безлюдно. Пошли туда отделение коми, ротный, пусть окопаются. Ближе к церкви.— Мечтайло не терпелось приказывать, он торопился заготовить боевыми материалами для доклада новому командиру полка.

Соловков не думал посылать к школе ни коми, ни кого-либо еще. Там, в кущах раковых вершин, над шапками мирных гнезд горланили грачи. Главное — выбить немцев из церкви. Но помощник начальника штаба торопил.

— Э, да что ты голову ломаешь, Соловков?! — Мечтайло выпростал из кобуры пистолет, стал на карачки.— Ну-ка, ребята, за мной!

Ротный понял: не удержать разгоряченного Мечтайло. Может, и прав ПНШ, сам он, Соловков еще не имеет плана атаки на церковь и погост.

— Сюрвасев, займите школу.

Тот взмахнул длинной рукой, вихляя гибким телом, выполз на край овсяного поля. Там коми крикливо поговорили о чем-то и, когда Мечтайло метнулся на открытое поле, поодиночке, враспынную пересекли луг. Полная тишина показалась Мечтайло обидной и оскорбительной: место шумной атаки какой-то холостой выстрел; впрочем, бежали-то под прикрытием рощицы и здания щм лы, успокоил он себя.

Соловков привстал на колени, присмотрелся к низким каменным плитам паперти храма, к толпе крестов на погосте рядом с церковной оградой. Под папертью и на кладбище немецкие пулеметчики, возможны и орудия дальним пушкарям Натансона их не выковырять, атакой в лоб — людей загубить.

«А если танками? «Тридцатьчетверки». Согласятся танкисты?..»

Оседая, Соловков заметил, что сестра Рая неподвижно словно заговоренная, стоит на коленях над Терезиным, боец смотрит на нее, не понимая, что с ней.

Визжали пули, стучаясь об былинки, разрывные лопались, острый звон глушил и плыл над лугом. Одна такая пуля попала в голову девушки. По краю луга лежали убитые, и сестра напоминала маленькую скорбную оплакивающую своих и чужих сыновей на поле боя.

Сотни смертей уже видел Соловков за эти сутки — такая обильная жатва! Но гибель Тоси и Кондакова вошла в его сердце особой болью. Не потому ли, что погибла любовь? Любовь, о которой они сами еще не догадывались, а это подобно смерти матери, еще не знавшей, что в ней зачат ребенок.

XI

Бойцы в Прилепах сидели на завалинках, на траве прогалках между избами, завтракали: ели трофейные консервы, у каждого в коленях зажата банка, пайки хлеба — свои.

В отдалении под ракетами лежали в ряд убитые, я крытые плащ-палатками. Соловкова невольно тянуло сосчитать их по ногам, с усилием отвернулся. Раненых Галя отправила в санроту, в лес, но Терезин был тут, орудовал одной правой рукой — ложкой, банкой, куском хлеба: плечевая рана легкая, и он упросил Галю оставить его в роте. Соловкову отослать бы его в санроту, а он обрадовался, что гонцор с ними.

Возле него и Спасибенко потиралась костистыми боками белая лохматая коза, страдальчески осмысленно пуча на людей стекляшки глаз, восточная бороденка подрагивала.

— Чи поранена? — недоумевал Спасибенко, обходя вокруг животного.

— Ты чего, прилеповка? — спросил Терезин. Он сидел уголый, с перевязью через плечо, грудь и спину. — Осиротела без хозяйки?

Заслыша в его голосе сочувствие, коза заблеяла сильнее, стала возле Терезина, растопырила задние ноги.

— Поди, поди! — под смех бойцов Терезин толкнул ее ногой.

С края завалинки поднялся Антон Игнатъевич, прихрамывая, подошел.

— Погоди, гонцор, с допросом и толчками к бессловесной, — заботливо сказал он. — И ты не охаживай ее, Федя, вовсе не туда смотришь. Глянь на вымя.

Вымя у козы посинело от напора молока, соски напряжились, на кончиках светлели белые капельки. Антон Игнатъевич пучком травы вытер свой котелок, ополоснул водой, присел возле животного.

— Щас мы тебя ослобоним от мук мученических, милая. — Яркая струя зазвенела по дну котелка, и скоро забулькала, постепенно пенясь, наполняя посудину; пришлось доильщику взять у Терезина еще и его котелок.

Сперва коза кряхтела от боли, потом глубоко вздохнула, не переставая смотреть на человека веселеющими, благодарными глазами. А во всей округе голубела утренняя тишина, казалось, для этого мгновения во всем мире замерла война, и Соловкову хотелось сказать: мир и в человецех благоволение! Он невольно улыбнулся своему женственно румяному политруку Никишину. Тот заговорил о наградах:

— Люди заслужили, ротный...

— С комиссаром полка поговори, он почти все время был с нами.

Антон Игнатъевич выдоил молоко, коза встрепенулась, крикливо проблеяла

благодарность человеку и тут же принялась выщипывать травинки, принимать от бойцов кусочки хлеба. Старый солдат напился молока, обтер прокопченные табаком жидкие усы.

— Без запаха. Добрая животина! Хозяйка теперь голосит по ней.

— А може, якийсь чахоточный фриц возил с собой,— сообразил Спасибенко.

Полакомились молоком и остальные. Терезин поднес свой котелок Соловкову и политруку. Никишин глотнул раз-другой, принюхался, посмаковал.

— Первый раз в жизни. Густота! Сливки во рту.

Танки сначала Соловков принял за пристройки, они стояли в садах за избами, на броне блестели царапины, ссадины, но ни одной вмятины или пробоины, видимо, смряды противника отскакивали от стали «тридцатьчетверок», как булыжины. А старый подбит и сгорел.

Танкисты в черных волнистых шлемах и комбинезонах, похожие на рабочих-металлистов, тоже готовились завтракать: один расстелил в саду на самодельном дощатом столе деревянную скатерть с прошвой, расставил тарелки, начал вскрывать консервы; остальные снимали шлема, подставив горячие головы под свежий ветерок и первые солнечные лучи, скользившие вкось между деревьями близкого леса, словно прожигая гущину ветвей. Никого из гражданских в деревне не оказалось, в избах хозяйничали военные.

Навстречу Соловкову шел горбоносый майор, зло смотрел на него.

— Можно было прорваться через лес к реке. Пехоты не дали. Где вас черт носил?! Я бы такого ротного расстрелял.

Не доходя до него, Соловков в тон ему сказал:

— Уже одного расстреляли, товарищ майор. Немцы С1 выполнили. У меня к вам просьба, товарищ майор: повре мените с завтраком, надо церковь брать. Ни соседям за Гжатыю, ни нам хода нет. Мы — десанниками.

Нюхарев и Чернышев уже дали знать бойцам, чтобы готовились, брякали о банки ложки; шинели, вещмешки котелки лежали в общей гряде. Антон Игнатьевич слегитянул больную ногу, кособоко втирался в толпу с автоматом Терезин.

— Антон Игнатьевич, а вы побудьте здесь. И ты, Терезин, а то в медсанбат отправлю.

— Я со своими, товарищ ротный.— Старый солдат нахлобучил на голову каску.— А что ногу натрудил — так то памятка молодечества. История давней поры. Штемпелюю.

— Это как же?

Бойцы перестали суетиться, столпились в предчувствии занятой истории: у старых да бывалых их невпроворот Со стороны леса, где осел штаб батальона, крупно, мягко шагая, подошел комиссар Шагунов: поняв, что тут к чему- то готовятся, присел вблизи в тени ракиты. Антон Игнатьевич начал рассказ издалека.

— С соседями мы с баткой не поладили. Терех, соседский малый, дюже кудрями выхвалялся. Бывалчи, накрутит накрутит... Всем парням девок застил. Да кабы от природы курчавились — с подмогой горячего гвоздя. А чуть взмокнут от пота али под дождем, повиснут, как

непричесанная солома с повети. И очень это Тереху несподручно было, особливо в покос. А покос в наших российских краях все одно что престольный праздник, али троицын день, когда народ валом валит в лес венки завивать, хороводы водить, песни

ладить. Батя мой и шепни Тереху: «Вот что, малый, ежели хочешь, чтоб вечно кучерявились и не развивались, составь такое снадобье — оно завьет волосы на веки вечные». — «Научи, дядька Игнат!» — пристал Терех. И научил батька мой... А надоть вам сказать: о ту пору мы на пару с Терехом дюже вдаряли за одной девкой. И сама — краса весенняя, и приданое родным нашим приманка: корова, две ярки да сундук добра, что холстов разных миткальных, льняных и замашных!.. Девка-то была одна в семье.

От воспоминаний ли или просто Антона Игнатъевича потянуло закурить, вынул из кармана кисет, сунул в него руку, но вспомнил: вроде бы в строю стоит. Соловков любил разные бывальщины и побряхоньки, кивнул на кисет:

— Курите, Антон Игнатъевич.

— Уж потерплю. Так вот. Я тоже был из себя ладный, но кудрями бог обидел. Раза два на гвоздь накручивал — только прядки опалил. А кучери по тем временам были вроде вывески: авось, мол, за ними ум водится.

— И нынче они в своей славе, стихи про них пишут, — засмеялся Терезин.

— Ну, ну, Антон Игнатъевич! — торопил Нюхарев, косясь в сторону сада, где танкисты охаживали свои машины.

— Да, тыщи песен про те русые да смоляные кудри Распевались. Теперь больше со сцены, гонцор. Вот и насоветовал батька тому теляти Тереху: «Возьми такой-то кислоты, натолчи дубовой коры, настой тот в бутылке потом три дня в темноте. Потом на ночь погуще смажь волосы до самых корешков и увяжи голову потолще, чтоб пропарилась. Утречком расчешись. Чудо что получится!» И получилось чудо-юдо! Исполнил Терех процедуру точно. Утром — за гребенку и чесанул... Все волосы в зубьях, как сено в граблях. И жнивья не осталось, голова — камень-голыш. На веки вечные.

— Куда сказка годится! — воскликнул Никишин под бойцов и улыбаясь комиссару Шагунову.

— Бывальщина, товарищ политрук, занятнее побасенки... Так вот. Терех — в голосьбу, из пуньки сломя голову — к батьке своему. Ахнула семья. Батька Тереха за оглоблю и — к нам во двор. А батя мой уже чем свет уехала на чужую мельницу рожь молоть, хотя своя тут же боком на реке. Высадил нам сосед все рамы. Набежал ни род, связал буяна. Спеленатый веревками, остыл. Дюзд плакал. А чего? О сыновних кудрях рази? Да про то, что ни коровы, ни ярки, ни -добра-приданого не видать в своем доме. А Тереха с той поры так и кличут на селе — Терех Лысый. Жениться-то он женился, да на вековухе.

— А вы на той красуле с приданным?

— Кабы так, гонцор, — вздохнул Антон Игнатъевич. — Батька мой порешил: сразу же после покоса заслать сватов за красулю, а свадьбу сыграть после рабочей поры, И вот что со мной приключилось на покосе. Надоть ВЕЯ сказать: иной раз косцы войдут в азарт, станут в ряд — и чья коса сядет али кто скорее выдохнется, тот ставь водки. К тому времени наши батьки как бы помирились. И то сказать: иначе можно мыслей дойти до красного петуха, а он у нас на селе ходкий да крылатый — норовит весь порядок спалить. Так на тот раз заспорили молодые косцы, мы - то есть, неженатики. Встали на утренней зорьке, чтоб т росе. Старшие в судьях. Меня где-то в середке зажали. Оглянулся — Терех Лысый за мной. Зорька загорается, трава росой отяжелела, так и просится под косу. Жвзык, жвзык... Старики надзирают: одинаково ли ряды берем, кто

статнее идет, не ткнется ли у кого коса носом в землю, лая но ли кочку обойдет и иное такое. Чую, нагоняет меня Терех... Уж я и жвыка не слышу, уши заложило от жара в голове, пот едучий глазам застит, а уж сердечушко гудит, как молотильный барабан. Мамочки родные, аль Терех Лысый богатырь, а коса его не лобогрейка, а меч-кладенец? И тут чую, по правой ноге под низок — чирк. Сначала-то не больно, а нога подкосилась, поволок я ее, а потом - бряк оземь. Лежу навзничь, надо мной Терех стоит, льет по нему пот в три ручья, рубаха — хоть выжимай, судить по роже — тоже вроде бы ошалелый от той гонки. Может, он сам деле не видел, как подрезал меня? В потайке этот вош рос так и остался по сей день. Меня, сердешного, на по! возку да к фершалу за десять верст. Посмотрел он мою ногу, пощупал и говорит батьке: «Ходить будет, бегать только вприпрыжку. Сухожилия,— говорит,— не сшиваем». И пошел я штемпелевать. На селе дали кличку Штемпель, вроде печати, значит. Ну, разве за такого отдадут лучшую девку на селе?! И за меня иная вышла. Из жалости, должно, а може, допрежь приглядывалась ко мне — кто их знает, этих баб. Жалел я ее, и она вроде бы меня жалела. Детей нарожали, как водится. Сын сейчас воюет в танковой части. Надо бы поспросить у тех вон наших, авось слышали про моего? Дочь одна учителка в нашем де селе, а другая — бригадирша по животноводству.

— А как же в армию на передовую угодили с изъяном? — спросил Никишин.

— Так ополчение на что, товарищ политрук?! Сапужок подстроил, приосанился...— сипловато посмеялся Антон Игнатьевич, довольный, что стольких военных обхитрил, и обратился к ротному: — Уж я со своими, товарищ старший лейтенант.

Он поглубже нахлобучил каску, винтовку — на ремень через плечо, окутанный дымом табака, первый тронулся к танкам.

Шагунов все еще был расстроен дивизионной пертурбацией, словно вышибленный из седла на полном скаку. Веселая минутка немного рассеяла его угрюмость, но голос политрука Никишина вернул его к суровой действительности.

— Какие еще награды, политрук?! — обрезал он. речь об орденах и медалях.— Дивизия с натугой выполнила задачу, потери сверх всякой меры... Заполните реляции на отделенного Сюрвасева и бойца Терезина. Ротный!

Соловков подошел.

— Взводного Молочкова-художника — в политотдел дивизии. Срочно. Будет работать при дивизионной газете.

— Исполняй приказание, Никишин! — обрадовался Соловков.— Пока командуйте с Мечтайло его взводом: атакуете церковный узел немцев по берегу Гжати.

По знаку горбоносого майора танкисты разошлись по своим машинам. Всхрапнули моторы. Бойцы лезли на броню. Хватаясь за уступы на танке, Антон Игнатьевич с винтовкой и тремя гранатами за поясом, с запасом патронов по карманам пытался взобраться самостоятельно, но срывался.

— Упрись, старина! — Анашкин пригнулся, подставил ему спину. Тот взгромоздился, уселся поудобнее, стал жадно, глубоко затягиваться дымом табака перед рискованной Дорогой. Бойцы гроздьями увесили броню четырех танков.

— Сядешь со мной, старший лейтенант,— подобрешим голосом промолвил майор, стоя по пояс в башне.

ХII

С любопытством Соловков опустил в ходячую крепость, внутренность ее освещали пузатенькие лампочки такие, как в черных от юрской глины забоях московское Метростроя, и само это тесное место напоминало забор. Из приподнятого забрала смотровой щели веяло росной прохладой.

Мягко, без качки, как добрый иноходец, неторопливо катил танк сначала по деревне. Майор распорядился:

— Заедем с паперти божьего храма, иначе на погод не проберешься: вокруг почти от самой Гжати — древни крепостной ров. На кладбище — противотанковые пушки а во рву наверняка фашистские автоматчики.

Видимо, танк подставил бок немецким орудиям: что-п оглушительно звякнуло по броне. Соловков почувствоваа себя в утробе большого колокола, в который начали бить набат, невольно сжался при мысли, что снаряд пробьет эту уральскую броню, представился костер из людей 1 стали — так погиб со своими десанниками Кондаков.

Танк стал, словно внезапно подбитый, неподалеку паперти. Стрелки выпустили несколько снарядов по амбразуре, зияющей под козырьком каменных плит. Земля пыль, щебенка с минуту вьюжили перед распахнутыми дверями церкви.

Из-за обрывистого берега выкарабкивались бойцы; размахивая пистолетом, широко раскрыв рот в призывно» крике, на краю обрыва стоял Никишин, следом выбирались другие. Танк тронулся к воротам за ограду.

— Соскочу к своим! — крикнул Соловков он видя лишь крошечный участок боя. Башенный пропустил его. Откинув люк, он вывалился на опустевшую броню, сиганул наземь. В глубине храма темнела позолота резной иконостаса. Танк свернул влево, пехотинцы бежали правую сторону церкви. В конце ее танк и бойцы сое пились. Вдоль ограды валялись убитые немцы и несколько своих, три немца висели на остриях железной ограды Соловкову бросились в глаза лишь тускло-оловянные, рябые, как наперсток, пуговицы на шинелях.

Сминая кресты, покачиваясь на могильных холмах камнях, два танка с разгона налетели на немецкие противотанковые пушки, смяли их вместе с прислугой. Из четвертого танка по ту сторону глубокого, крутобокого рва, стрелял пулемет. Машины окружили крепостной ров.

— Вали ограду! — закричал Соловков.

Бойцы вцепились в граненые прутья с завитушками и острьши крестами наверху, раскачали одну секцию, повадились вместе с ней в сторону погоста.

Соловков остановился над крутизной сумрачного рва; ров охватывал кладбище и храм полумесяцем, правый корец опускался в Гжать, другой, со стороны паперти, дав-рым-давно завален для грунтовой дороги. Храм-крепость. Вероятно, была стена сначала деревянным частоколом. Дри набегах врагов ров заполнялся водой... Все это промелькнуло перед глазами Соловкова, как привиделось. Сейчас во рву клубились мятущиеся тела, на крутой, скользкой от травы обочине стоял Мечтайло и стрелял из пистолета в упор, и ротный никак не мог уловить детали рукопашной, даже трупы казались живыми людьми: они катались по всем склонам, шевелились под тяжелыми ударами солдатских сапог и ботинок. Немцы оказались идейными фашистами, не

поднимали рук, а красноармейцы разъярились.

— Брешь, жив останешься! — услышал Соловков из близкого клубка сбившихся наземь тел.— Не спеши на тот свет, там ваших пивных нет!

По размеренному говору Соловков узнал Антона Игнатьевича, сцепившегося с немцем, желая все-таки взять «языка». Хлопнул выстрел, приглушенный глубиной рва. Антон Игнатьевич обмяк, медленно сложил руки на груди, как только делают живые умершим, а он, старый солдат — сам себе.

Немец вскочил на ноги, молодой, бледный, пучеглазый от страха, а зубы зло скалил. Его сбили с ног коми, связали. Фашист плевался, выкрикивал ругательства на немецком и на русском. Черноглазый, растрепанный в схватке, без ремня Федька Спасибенко, сев на крутизне, послушал, решительно качнул головой:

— По-нашенски у него лучше получается. Сюрвасев скатал из сырой травы тугой кляп, заткнул

немцу рот. Единственный пленный. На дне рва и по крутым бокам лежало до сотни убитых.

— Обыскать немцев! Письма, ордена, документы — мне! — с перехватом дыхания выкрикивал Никишин, пот катился с его лица розовыми, как кровь, ручейками.

Своих раненых и убитых бойцы занесли за ограду под Деревья в холодок. Соловков остался возле умирающего Антона Игнатьевича, тот лежал лицом к церкви. — Коми, они ведь из нехристей, товарищ ротный?.. Чурке поклонялись.

Соловкову показалось, что он бредит.

— Еще верите в бога, Антон Игнатьевич? В рай и вообще в загробную жизнь?

— Какое уж... Я поколебленный. И зачем мне рай? По писанию, в нем не работают.

Нет, он не бредил, он посмеивался над небесами. Говорил с придыханием, нос белел, тягучие усы живо подергивались, и от них пахло табачным дымком. Повел на Соловкова усталыми глазами; все более отдаляясь от всего живого, он уже не считал нужным обращаться к нему как к командиру.

— Григорич... батюшка мой в красном углу помирал, матушка на его месте преставилась... Не откажи.

— Куда же вас, Антон Игнатьевич? В церковь?

— В избу. В солдатском мешке — рубаха смертная, за-машная...

— Отнесем, Антон Игнатьевич. И рубаху вашу наденем на вас.

— Вот спасибо. Все, кажись... И накурился вволю... Подошел майор-танкист, сел перед умирающим. А когда старый солдат затих, тронул Соловкова за плечо:

— Спасибо за боевое содружество, ротный. Первые мои слова не держи на сердце.— Он помолчал.— Старик, по всему, с пользой пожил.

Соловков шел вдоль ограды, мысленно распределяя остатки роты на извилистой двухкилометровой обороне: на церковно-кладбищенском участке довольно восемнадцати человек из бывшего взвода Молочкова, за командира пока ефрейтор Анашкин; в Прилепах взводным Нюхарев, с ним Чернышев; в Никольском двадцать четыре бойца,— они с Сюрвасевым.

— А было нас сто двадцать,— вздохнул Соловков. Нога все еще болела, шел, прихрамывая, на месте растерзанной штанины болтались лохмотья и светлело тело. Он поднял чью-то плащ-палатку, накинул на себя.

Каменные плиты паперти, взломанные взрывом танковых снарядов, дыбились, как льдины в весеннее половодье. В дневных пучках света, льющих из-под купола через решетчатые окна, сверкала темная от времени позолота иконостаса, оклады старинных икон, пол усыпав разорванными и целыми церковными книгами, на листьях темнела вязь церковнославянских букв, а крупные, заглавные были красные. Соловков поднял одну и тут услышал голоса: мужской и женский. Разговаривали во втором притворе за углом массивной стены, которая отделяла от меньшего и низкого — зимнего. Обычно в церквях торой парадный на зиму закрывается, хватало прихожанам и первого притвора. Резонанс тут, как в осеннем лесу, певучий, и голоса Соловков признал не сразу.

— Наивная ты... Какой была, такой осталась.

— Зови уж гусыней, как прежде,— усмехнулась она.

— Не поминай лихом,— засмеялся он, и в крепком его звучании Соловков узнал ПНШ Мечтайло.

Женский возглас надрывно сорвался:

— Ты думаешь, война примирит нас?

— Мечтаю.

— Нет, Павел! Все-то в жизни ты спешишь...

— Зачем же так сразу — нет? Поцелуемся для начала.

— Слушай, Павел, зачем я тебе? Я уже привыкла к мысли, что нет тебя в моей жизни.

— А фамилию мою носишь. Это ли не надежда для меня? И вообще, довольно нам играть перед людьми в прятки! Как ты попала в нашу дивизию? Оставила-таки свой институт?

— Дивизия не для тебя одного. Да, я виновата: мне надо было отнять у тебя и эту надежду — вернуть девичью фамилию.

— Вот видишь! Так знай, моя бывшая законная благоверная: другому я тебя на съедение не отдам. Тут кое-кто уже интересуется тобой...

«Паясничает, играет роль кающегося грешника?» Голос Мечтайло все время менялся: то фальшивая, то напряженная нота. Если бы взглянуть ему в глаза... Нет, не Гале, а ему надо менять фамилию! — напрашивалось сказать. Соловков сделал усилие, вошел во второй притвор и сразу увидел его глаза: игриво прищуренные, а черты лица, и эта отросшая темная порось на подбородке и щеках иконописные. Так вот что! — Мечтайло кокетничал с собственной женой, как с первой встречной бабенкой.

— Ага, те же и Соловков. А что, лихо мы расправились с немчурой? — похвалился ПНШ, гася игривость в темных глазах.

— Галя, раненых отправили в санроту?

— Паша увезла на повозке,— задумчивые диковатые глаза ее благодарили Соловкова за его приход сюда.— Оставляю вас, товарищи командиры, надо мне в Прилепы, в Никольское...

Мечтайло досадливо проводил Галю затененными поволокой глазами, библейское лицо с наметившейся бородкой и усиками приняло озадаченное выражение.

Они вышли из храма, ротный торопился в овсяное поле к связистам, в сумерках надо обосновать КП роты где-то в центре обороны, на огородах Прилеп, где всюду чернели прокопченные деревенские баньки.

— Слышал нас, Соловков? Если слышал, тем лучше для нас троих...

Сосредоточенный на своем, Соловков не сразу понял намек.

— И вообще, соратник, стоит ли в нашу боевую дружбу вбивать этакий клин...

Соловков подумал: действительно, какое-то непостижимое сознанию сближение крепло между ним и Мечтайло, который раскрывался перед ним — двойственный, интересный, как, должно быть, все люди.